

МАРА СВЕТЛАНОВА

АРХИТЕКТОР ТИШИНЫ ПЛАВУЧЕГО СУДА АРХИВОВ

Мара Светланова

Архитектор тишины

плавучего суда архивов

<https://litres.ru/74414074>

SelfPub; 2026

Аннотация

Архитектор Ада Рейн строит на плавучем судне-архиве комнаты, где осознанная ложь становится физическим грузом. Когда под ватерлинией обнаруживаются скрытые свидетельства о гибели её родного квартала, «Палимпсест» начинает тонуть под тяжестью правды. Капитан-цензор Север Лад обязан выбрасывать опасные воспоминания за борт, но каждый сброс калечит жизнь прибрежных поселений. Чтобы спасти людей и вернуть им право распоряжаться собственной памятью, Аде предстоит бросить вызов Совету, перестроить сам принцип хранения и заплатить способностью слышать музыку. А Северу — отказаться от власти, прежде чем просить о доверии.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Комната, которая прибавила тонну	5
Глава 2. Капитанская мера	19
Глава 3. Песня под ватерлинией	32
Глава 4. Право не отвечать	43
Глава 5. Первая отмель	56
Глава 6. Журнал пустых строк	66
Глава 7. Чертёж утонувшего дома	82
Глава 8. Три добровольных голоса	94
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Мара Светланова

Архитектор тишины

плавучего суда архивов

От автора

Некоторые истины становятся тяжёлыми не потому, что их произнесли, а потому, что кто-то присвоил право хранить, толковать или уничтожать их. Эта книга выросла из вопроса: можно ли построить место для правды так, чтобы оно не превратилось в ещё один инструмент власти?

Перед вами история архитектора, капитана и плавучего архива. В ней память имеет вес, молчание не равно лжи, а согласие — не формальность, которую можно получить один раз и навсегда. Здесь есть романтическая линия, но ни любовь, ни самопожертвование не заменяют профессионального выбора и ответственности перед другими людьми.

Читайте её как путешествие по большой реке: замечая не только то, что вынесено на палубу, но и то, что изменяет течение под водой.

Глава 1. Комната, которая прибавила тонну

Комната лжёт первой.

Не словами — геометрией. В моём чертеже западная стена стоит под прямым углом к палубе, а сейчас едва заметно клонится к реке. Латунный отвес касается третьей риски вместо второй. Разница всего в толщину ногтя, но на судне такой толщины достаточно, чтобы через час чашка поехала по столу, а через два кто-нибудь назвал крен особенностью старого корпуса.

Я прижимаю ладонь к белой панели. Под ней гудят дубовые рёбра «Палимпсеста». Гул ровный, многоголосый: машины в корме, вода вдоль обшивки, тысячи капсул памяти в архивных сотах. И ещё одна нота, которой здесь быть не должно. Низкая, почти за пределом слуха.

— Госпожа Рейн, Совет ждёт результата, — напоминает архивист у двери.

Он старается говорить бесстрастно, но его левый рукав уже касается косяка. Палуба накренилась настолько, что тело ищет опору раньше разума.

— Совет получит результат, когда я пойму, почему моя комната стоит криво.

— До испытания она стояла ровно.

— Значит, испытание ещё не началось, а кто-то уже со-
лгал.

Чиновник за столом усмехается. Его зовут Дар Летт, он заведует речными сборами и согласился стать первым испытуемым только потому, что уверен в своей неуязвимости. На нём серый мундир без единой складки. Перед ним лежит пустой лист протокола, за ним — окно из толстого слюдяного стекла. За окном серебрится вода и медленно отплывают башни Верхнего причала.

«Палимпсест» снялся с якоря на рассвете. К полудню новый зал должен получить разрешение. К вечеру мне обещали печать на лицензии высшего разряда — ту самую, ради которой я три года строила безопасные комнаты для людей, считающих безопасность излишней статьёй расходов.

Я вынимаю из гнезда настроечный камертон и ударяю его о мягкую накладку пояса. Чистый звук проходит сквозь стол, панели и пол. Восточная стена отвечает ми. Южная — более высокой солью. Западная молчит, а из глубины корпуса возвращается чужое дрожание.

— Ещё раз, — говорю я.

Архивист вздыхает.

— Вопрос уже задан.

— Тогда повторите его.

Он смотрит на капитана, стоящего у двери. Север Лад появился без объявления за минуту до начала испытания и с тех пор не произнёс ни слова. Тёмный форменный плащ за-

стёгнут до горла, волосы собраны на затылке, на правой руке — перчатка капитана-цензора с серебряной нитью допуска. Он не опирается на стену, хотя крен чувствует не хуже остальных.

— Повторите, — разрешает Север.

Голос у него спокойный, и это раздражает сильнее приказа.

Архивист читает:

— Получали ли вы личную выгоду за изменение тарифа на перевозку воспоминаний в минувшем сезоне?

Дар Летт складывает руки на животе.

— Нет.

Пол ударяет меня в подошвы.

Это не толчок волны. Волна поднимает всё судно, а сейчас вниз рвётся только комната. Внутри стен с сухим треском натягиваются медные жилы. Стрелка весового окна прыгает с нуля на двести семьдесят мер, проходит красную отметку и бьётся о предел шкалы.

Где-то под нами лопается крепёж.

Стол едет к западной стене. Архивист хватается за косяк. Чернильница с пустого протокола падает и разбивается, чёрная лужа ползёт поперёк белого пола.

Я успеваю подумать, что комната не должна делать ничего подобного.

— Всем выйти, — говорит Север.

Дар Летт вскакивает.

— Это нападение! Она настроила зал против меня!

Новый удар пригибает нас к палубе. Западная панель выгибается внутрь. За ней стонет несущая рама.

— Не отвечайте больше ни на один вопрос, — приказываю я.

— Вы не можете мне приказывать.

— Могу, пока стою между вами и рекой.

Я дёргаю аварийный рычаг у двери. По моему проекту створки должны разойтись одновременно, размыкая контур правды. Правая отходит на ладонь. Левая остаётся на месте: перекошенный пол зажал нижний паз.

Север уже рядом. Он снимает перчатку, просовывает голые пальцы в щель и нащупывает ручной запор.

— По моей команде толкайте верх, — говорит он.

— Если сорвём паз, потеряем всю стену.

— Если не сорвём, потеряем людей.

Он не пытается отобрать рычаг. Просто ждёт решения. Я вижу побелевшие костяшки его руки и понимаю: запор режет кожу.

— Сейчас.

Я толкаю створку плечом. Север проворачивает запор. Дерево визжит, дверь выплёвывает нас в коридор, и в тот же миг комнату опускает ещё на пол-ладони.

Мы выбираемся все четверо. Север последним отступает за порог и бьёт ладонью по внешней скобе. Медные жилы в стенах гаснут. Контур разомкнут.

Тишина длится один вдох.

Потом «Палимпсест» начинает крениться.

По коридору катятся тележки с каталогами. Звенит аварийный колокол. Из открытых дверей выглядывают архивисты, но Север рывкает:

— Закрыть отсеки! Никому не перемещать капсулы без приказа!

Спокойствие исчезает из его голоса, уступая точности. Люди слушаются. Две архивистки ловят тележку, механик у лестницы захлопывает противопожарную переборку. Дар Летт пятится от комнаты, прижимая к груди безупречный серый рукав, запачканный чернилами.

— Я подам жалобу, — говорит он.

— Подадите на берегу, — отвечает Север. — До выяснения причин испытание окончено.

— Вы знаете, кто я?

— Знаю достаточно, чтобы запретить вам говорить в этой комнате.

Летт краснеет. Я жду новой тяжести, но за разомкнутым контуром его слова остаются только словами.

Север поворачивается ко мне.

— Сколько?

— Шкала рассчитана на триста мер.

— Я спросил, сколько прибавилось.

— Больше предела.

— Предположение архитектора.

— Тонна.

Архивист вскидывает голову. Дар Летт смеётся слишком громко.

— От одного слова?

— Нет, — отвечаю я. — И в этом проблема.

Я опускаюсь на колено у порога. Между белой панелью и старой палубой проступила тонкая чёрная линия. Во время монтажа её не было. Провожу по ней ногтем и достаю влажную пыль, пахнущую речным илом.

Комната устроена просто, если не считать невозможного. Медные жилы улавливают намерение говорящего. Осознанная ложь замыкает контур и становится нагрузкой на ближайшую несущую поверхность. Не метафорой, не чувством вины — настоящим весом. Поэтому я рассчитываю стены так, чтобы короткая ложь взрослого человека дала не больше двух мер, а опасный допрос автоматически разомкнул цепь. Даже если Дар Летт солгал о каждом сборе за всю жизнь, его ответ не мог продавить палубу.

Но комната не создала эту тонну.

Она нашла её.

— Мне нужны нижние отсеки, — говорю я.

— Нет, — отвечает Север.

Слишком быстро.

Я поднимаюсь. Мы почти одного роста, и ему приходится смотреть прямо, а не сверху. Вблизи я замечаю шрам у его виска и кровь на ладони. Он уже снова надел перчатку, будто

порез тоже подлежит цензуре.

— Тогда можете отбуксировать мой зал на берег и объяснить Совету, почему капитан отказался искать груз, который способен утопить судно.

— Нижние архивы закрыты протоколом сохранности.

— Я не прошу архивы. Мне нужен корпус под этим отсеком: балки, водяные карманы, старые переборки.

— Там нет помещений.

Камертон всё ещё у меня в руке. Я ударяю его снова.

Звук уходит вниз. На этот раз, когда все молчат, ответ слышат и остальные: глухая дрожь под ногами, словно глубоко в «Палимпсесте» кто-то провёл пальцем по краю огромной чаши.

Дар Летт отступает к лестнице.

— Что это?

— То, чего там нет, — говорю я.

Север смотрит не на меня, а на чёрную линию под панелью. На одно мгновение его лицо меняется. Не удивление. Узнавание.

Вот почему он пришёл на испытание лично.

— Господин Летт, вас проводят в гостевую каюту, — говорит он. — Архивист Мер, опечатайте зал. Никому не входить.

— А архитектор?

— Останется.

Летт открывает рот, но, видимо, впервые за день выбира-

ет молчание. Архивист уводит его по коридору. За переборками команда выравнивает доступный балласт; палуба поне­многу возвращается, однако отвес у двери так и не достигает второй риски.

Когда мы остаёмся вдвоём, Север снимает перчатку. Порез неглубокий, но длинный. Я достаю из поясного футляра чистую ленту.

— Это не приглашение к дружбе, — предупреждаю я.

— Было бы странное начало.

— Дайте руку.

Он даёт. Не спорит, не шутит, не делает вид, будто не больно. Я промываю порез водой из фляги и затягиваю ленту. Его ладонь горячая, моя — холодная после панели.

— Вы узнали звук, — говорю я.

— Я слышал, как корпус отвечает на перегрузку.

— Не так. Вы узнали именно этот звук.

— Комната больше не действует, госпожа Рейн.

— Я умею замечать ложь и без неё.

Он осторожно высвобождает руку.

— А я умею отличать наблюдение от доказательства.

— Тогда дайте мне доказательство. Доступ к нижней палубе и исходные ведомости осадки до монтажа.

— Ведомости получите.

— И палубу.

— Нет.

— Почему?

— Потому что моя обязанность — удержать «Палимпсест» на плаву.

— Моя тоже, пока на нём стоит моя работа.

— Ваша обязанность — исправить зал.

— Зал сработал безупречно.

Север впервые улыбается. Улыбка короткая, усталая и совсем не примирительная.

— Он прибавил судну тонну и заклинил единственный выход.

— Он обнаружил тонну, которую кто-то спрятал в несущем контуре. А дверь заклинило потому, что ваша палуба просела раньше расчётного предела. Если вам нужен удобный виновник, можете высадить меня на ближайшем причале. Но следующая осознанная ложь найдёт тот же груз. Возможно, в навигационной рубке. Возможно, когда под нами будет глубокая вода.

За окном коридора Верхний причал уже исчез. Река раздвигается, становится шире и темнее. До следующей гавани почти сутки.

Север подходит к весовому окну с внешней стороны. Стекло треснуло, стрелка замерла за последней отметкой.

— Вы сказали, что комната нашла старый вес. Как?

— Ложь ищет ближайшую конструкцию, способную её удержать. Я заложила новый контур поверх старой балки. Если в балке уже была связанная память, контуры могли войти в резонанс.

— Связанная память не хранится в балках.

— По правилам — нет.

Он бросает на меня тяжёлый взгляд.

— Вы всегда разговариваете так, будто правила — признание вины?

— Только когда правила используют вместо чертежа.

Снизу доносится металлический стук, затем быстрые шаги. По лестнице поднимается женщина в синей куртке механика, с бритым виском и связкой мерных ключей на поясе. Я узнаю Таю Норд: она принимала мои крепления перед монтажом и единственная из судовых мастеров проверила каждый болт, а не только подпись в накладной.

— Капитан, у нас лишний груз, — говорит она без приветствия.

— Это мы заметили.

— Нет. Вы заметили крен. Я пересчитала осадку по кормовым меткам. Мы сели на девятьсот восемьдесят мер за три минуты. Цистерны целы, вода не прибывает, капсулы на местах.

Я смотрю на Севера.

— Тонна.

— Почти, — поправляет Тая. — И она никуда не делась после размыкания вашей комнаты.

— Потому что была здесь раньше.

Тая хмурится.

— Раньше мы сидели выше.

— Вес существовал не как груз. Комната дала ему опору.

Я беру у неё планшет осадки. Цифры складываются в знакомую схему: нос почти не изменился, корма поднялась, западный борт просел. Весь новый вес сосредоточен точно под залом, но глубже, чем позволяет высота технического отсека.

— Покажите старый план палуб, — прошу я.

Тая оглядывается на капитана.

— Покажите, — говорит Север.

Она разворачивает промасленный лист на полу. «Палимпсест» перестраивали столько раз, что его разрез похож на город, где улицы прокладывали поверх чужих домов. Вот белый прямоугольник моего зала. Под ним — водяная цистерна, ещё ниже — двойное дно. Между ними толстая линия старой переборки.

Я прикладываю камертон к чертежу.

— Здесь должна быть пустота.

— Там набор корпуса, — отвечает Тая. — Сплошной. Я была снаружи на ремонте.

— Сплошное не звучит так долго.

Словно в ответ, под палубой снова возникает низкая нота. Теперь она тянется дольше и в самом конце раскалывается на семь слабых отзвуков.

У меня перехватывает дыхание.

Семь нот. Неровных, как колокола, которые качает ветер с воды.

Я слышала их ребёнком каждое утро, пока река не забрала

наш квартал.

— Ада? — Тая касается моего плеча.

Я не сразу понимаю, что она впервые назвала меня по имени.

— Всё хорошо.

Это привычные слова, произнесённые ради того, чтобы не объяснять. За порогом комнаты они ничего не весят, но во рту всё равно остаётся металлический вкус.

Я исправляюсь:

— Нет. Не хорошо. Но я могу работать.

Север замечает паузу. Конечно, замечает.

— Вы знаете этот звук?

Теперь легко было бы сказать «нет». Получить доступ к планам, найти источник, оставить личное при себе. Я всю жизнь строю комнаты, в которых чужая ложь становится видна. Было бы удобно считать, что за их стенами на меня мои правила не распространяются.

— Я знаю мелодию, — отвечаю я. — Она с Берега Семи Колоколов.

Лицо Таи смягчается. Север остаётся неподвижен.

— Затопленного двадцать лет назад?

— Девятнадцать. Я там выросла.

Река ударяет в борт. На плане дрожит тень моей руки.

Север медленно складывает чертёж.

— Это создаёт конфликт интересов.

— Это создаёт сведения, которых у вас не было.

— И причину устранить вас.

— Если устраните, новый архитектор потратит неделю, чтобы услышать то, что я услышала за минуту. Судно выдержит неделю?

Тая отвечает раньше капитана:

— При таком запасе плавучести — нет. Если вес удвоится, нижние иллюминаторы уйдут под воду. Если сместится к носу, перестанем слушаться руля.

Север смотрит на нас обоих, затем на опечатанную дверь. В его молчании есть расчёт и что-то ещё — та самая узнающая настороженность.

— До нового приказа зал не используется, — решает он.
— Тая, ручной контроль осадки каждые четверть часа. Ада, получите ведомости и схему технических ходов. В нижние отсеки пойдёте только со мной.

— Когда?

— Как только я установлю, кто имел доступ к перестройке.

— Это может занять часы.

— Тогда советую потратить их на расчёт, который не заклинит дверь.

Он уходит к рубке. Тая смотрит ему вслед.

— Поздравляю. Обычно капитан говорит «нет» короче.

— Он всё ещё сказал «нет».

— Он сказал «со мной». На «Палимпсесте» это почти капитуляция.

Я сворачиваю свой чертёж. Мне не нравится ни её улыбка, ни то, что часть меня запомнила тепло его повреждённой ладони. Особенно мне не нравится мелодия под ногами.

Девятнадцать лет я считала, что семь колоколов остались на дне вместе с домом, мастерской отца и голосом матери. Теперь их отзвук спрятан внутри судна, которое обязано хранить чужую память и умеет выбрасывать её за борт.

Я прикладываю ладонь к палубе.

Глубоко под ватерлинией мне отвечает невозможная комната.

И она тяжелее правды, которую сегодня произнесли вслух.

Глава 2. Капитанская мера

К полуночи капитан превращает «Палимпсест» в задачу, у которой запрещено искать ответ.

На каждой лестнице появляется вахтенный. Архивистам велят работать только на своих палубах, каталожные тележки прикованы к кольцам, а двери к нижним отсекам опечатывают синей лентой Совета. Даже чай разносят по спискам, словно чашка способна перенести между палубами опасное воспоминание.

Мне выдают ведомости осадки за последние семь рейсов и запирают в чертёжной рядом с залом. На словах это доступ. На деле — очень просторная клетка.

Я раскладываю листы по полу. Вес судна записывают трижды: у причала, после приёма капсул и перед отходом. Цифры сходятся слишком хорошо. Настоящее дерево впитывает воду, люди расходуют припасы, топливные баки пустеют. «Палимпсест» же на бумаге каждое утро возвращается к одной и той же мере, будто ночь стирает прожитый день.

Подделку выдают не ошибки, а их отсутствие.

Снаружи звякает ключ. Входит Север, за ним Тая с ответом и ящиком инструментов. Капитан переоделся в тёмную рабочую куртку без серебряных шнуров. Повязка на его ладони проступила красным.

— Режим сохранности введён, — сообщает он.

— Я заметила. Мои карандаши пересчитали дважды.

— Они могли передать записку.

— Если мой карандаш научится писать без меня, я выдам ему лицензию.

Тая прячет улыбку, Север — нет. Он кладёт на стол ещё один лист.

— Текущая осадка. Западный борт ниже расчётного на одиннадцать пальцев. За последний час изменений нет.

— Значит, найденный вес закрепился в корпусе.

— Значит, судно пока не тонет дальше.

— Это не одно и то же.

— Для капитана в полночь — почти одно.

Он говорит спокойно, но я слышу усталость человека, которому весь день приносят бедствия и требуют расставить их по срочности. Это могло бы вызвать сочувствие, если бы синяя лента не перегораживала мне путь к причине бедствия.

Я показываю ведомости.

— Кто сводит эти числа?

— Старший весовщик.

— Кто проверяет?

— Капитан.

— Тогда вы либо не проверяли, либо видели невозможное и подписывали.

Тая перестаёт возиться с отвесом. Север берёт ближайший лист, рассматривает колонку, потом следующий.

— Объясните.

— Семь рейсов, семь одинаковых утренних осадок до одной меры. Здесь менялись пассажиры, принимали две лекции, чинили котёл. Но судно всякий раз весило ровно столько, сколько требовал допуск Совета. Так не бывает.

— Бывает, если весовщик приводит балласт к норме.

— Тогда должны меняться объёмы в цистернах. Они тоже одинаковые.

Тая присаживается рядом со мной и быстро пробегает пальцем по строкам.

— Эти данные не с наших мерных реек, — говорит она.

— У кормовой шкалы третья риска сбита ещё весной. Мы записываем половину деления, а здесь везде целые.

Север не оправдывается. Это в нём раздражает и поне-много располагает: он не пытается выиграть секунду дешёвой ложью.

— Оригиналы хранятся в весовой рубке, — говорит он.

— Хранились, — поправляет Тая. — После ужина Мер сообщил, что журнал залило из лопнувшей трубы.

Мы одновременно смотрим на неё.

— Почему я узнаю сейчас? — спрашивает Север.

— Потому что сначала проверила трубу. Она сухая. И пыль под ней сухая. Журнал намочили отдельно.

Где-то внизу ударяет вода. Семь едва слышных нот проходят по палубе и затихают у меня в рёбрах.

— Мне нужен корпус, — повторяю я.

Север подходит к круглому окну. За стеклом нет берего-

вых огней, только раздробленная луной река. На чёрной воде «Палимпсест» кажется единственным существующим местом, и от этой мысли становится тесно.

— До рассвета никто не входит в нижние архивы, — говорит он.

— Почему именно до рассвета?

— Я запрашиваю Совет.

— Совет, чьи цифры стоят на поддельных ведомостях?

Он поворачивается.

— Осторожнее, госпожа Рейн.

— С чем? С бумагой?

— С обвинением, которое пока держится на сбитой риске.

— И на тысяче мер, которых нет в реестре.

— Поэтому режим сохранности останется в силе.

Мне хочется ударить камертоном о стол и заставить сам корпус ответить за него. Вместо этого я беру чистый лист и провожу линию кия.

— Хорошо. Покажите мне вашу меру опасности.

— Что?

— Вы запрещаете доступ, потому что считаете его опасным. Назовите условия, при которых запрет будет снят. Не «после ответа Совета», а измеримые условия: допустимый крен, число сопровождающих, глубина маршрута, время осмотра.

Тая тихо говорит:

— Вот теперь началось строительство.

Север возвращается к столу. Я отмечаю на листе наш зал, цистерну и двойное дно. Он ставит ногу на техническом проходе с восточного борта.

— Вход отсюда. До старой переборки тридцать две сажени. После второй двери связь с мостиком пропадает.

— Значит, ставим сигнальный шнур.

— Если крен превысит двенадцать пальцев, возвращаемся.

— На двенадцати дверь снова заклинит. Десять.

— Сейчас одиннадцать.

— Тогда сначала выровняйте судно доступным балластом до восьми.

Тая качает головой.

— Можно до девяти, если перекачать питьевую воду. Ни-же — только двигать капсулы.

— Капсулы не трогаем, — говорит Север.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что память не груз для удобной укладки.

Ответ точный. Я ожидала приказа, а получила правило, с которым согласна.

— Девять, — уступаю я. — Два сопровождающих, сигнальный шнур, двадцать минут за второй дверью. Никакого вскрытия хранилищ без отдельного решения.

— И вы выполняете приказ о возвращении без спора.

— Если назовёте причину.

— Если времени на объяснение не будет?

— Тогда Тая подтверждает опасность.

— Вы мне не доверяете.

— Вы закрыли доступ к корпусу, узнав звук под ним. Пока это не доверие, а страховка.

Север смотрит на Таю.

— Вы согласны быть мерой?

— Нет, — отвечает она. — Мерой будет крен. Я только читаю шкалу.

Он кивает, словно именно этого и ждал.

Мы записываем условия в двух экземплярах. Север подписывает оба и один отдаёт мне. Капитанская власть впервые предстает не дверью, а чертой, которую можно увидеть и проверить.

— Осмотр через час, — говорит он. — Если выровняем борт.

— А если Совет запретит?

— Тогда у нас будет новый факт.

Он уходит отдавать распоряжения. Тая остаётся и смотрит на его подпись.

— Обычно он не пишет границы собственных приказов.

— Обычно рядом нет архитектора.

— Рядом с ним много кого нет.

Я сворачиваю соглашение.

— Не надо.

— Что именно?

— Делать из пореза на ладони и одного разумного реше-

ния роман.

— Я собиралась сделать из них диагноз переутомления.

Тая всё-таки улыбается. Потом её лицо становится серьёзным.

— Ты правильно потребовала условия. Но если внизу старое хранилище, капитан может оказаться не единственным, кто решает, выпускать ли нас обратно.

— Ты веришь, что там хранилище?

— Я верю весам. Люди врут сложнее.

Следующий час мы перекачиваем воду. Я иду с Таей по узкому служебному коридору и отмечаю, как меняется голос корпуса. Насосы грохочут, трубы вздрагивают, западный борт медленно поднимается. На девяти пальцах Север останавливает работу. Ни мерой ниже.

У входа в технический ход нас ждут два фонаря, моток красного шнура и архивист Мер. Он держит печать Совета обеими руками.

— Получен ответ, капитан, — говорит он. — Доступ запрещён. Предписано изолировать архитектора до прибытия инспекции.

Он протягивает узкую ленту сообщения. Север читает молча.

— Основание? — спрашиваю я.

— Угроза целостности государственного архива, — отвечает Мер. — Ваш зал уже повредил палубу.

— Мой зал обнаружил незаконную нагрузку.

— Это ваша трактовка.

— А мокрый журнал — ваша?

Мер бледнеет. Палуба едва заметно уходит вправо. Не вес: крен. Уклонение.

Тая приседает у отвеса.

— Полпальца, — говорит она.

Север переводит взгляд с нити на архивиста.

— Вы знали о журнале до того, как он намок?

— Я сообщил о происшествии согласно порядку.

Ещё полпальца. Медный груз отвеса касается первой боковой риски.

Мы не в комнате тишины. Но её новый контур всё ещё связан со старой балкой, а старый вес теперь опирается на судно целиком. Уклонение Мера проходит через корпус, как ветер через парус.

— Не отвечайте, — говорю я. — Вы усиливаете крен.

Мер сжимает печать.

— Это абсурд.

Нас бросает к стене. Север удерживает архивиста за локоть, я ловлю фонарь. Из глубины технического хода приходит протяжный звон — семь нот, на этот раз ясных до боли.

Мер вырывает руку.

— Капитан, исполните распоряжение.

Север складывает ленту и убирает во внутренний карман.

— Исполняю. Госпожа Рейн не войдёт в государственный архив.

— Но вы только что...

— Технический ход не числится архивом. Это подтверждено схемой Совета, приложенной к распоряжению.

Впервые я понимаю, насколько опасным может быть человек, который знает каждую формулировку своей клетки.

— Вы играете словами, — шепчет Мер.

— Нет. Я соблюдаю границу приказа. Вернитесь на свою палубу и до утра не отвечайте на вопросы о весовом журнале. Это приказ ради плавучести.

Архивист уходит, держась за поручень. Крен не исчезает, но перестаёт расти.

Север закрепляет красный шнур на кольце у двери. Второй конец обматывает вокруг запястья поверх повязки.

— Наши условия изменились, — говорю я.

— Крен десять пальцев. По соглашению мы должны остановиться.

— По соглашению вы должны его сначала выровнять.

— На это уйдёт ещё час. За час Совет пришлёт уточнение, в котором технический ход внезапно станет архивом.

— Значит, вы предлагаете нарушить собственную меру.

— Предлагаю установить новую вместе. Пятнадцать минут. Возвращение при одиннадцати пальцах. Тая остаётся у шкалы и дёргает шнур трижды при опасности.

— А второй сопровождающий?

— Я.

Он не приказывает. Ждёт.

За дверью темно, сыро и звучит мой затопленный дом. Позади — комната, которая придала спрятанной памяти вес. Я не знаю, чего хочу больше: открыть источник или убежать прежде, чем прошлое назовёт меня по имени.

— Запишите изменение, — говорю я.

Север пишет прямо на полях нашего соглашения. Я ставлю подпись рядом. Тая проверяет узлы и вручает мне мел, складную мерную рейку и маленький молоток.

— Три рывка — назад без обсуждений, — говорит она. — Четыре — бегом. Если услышите пять, значит, я ошиблась в профессии и вам уже всё равно.

Север открывает первую дверь.

Технический ход пахнет железом и холодной водой. Мы идём боком между трубами. Красный шнур ползёт за нами, отмечая путь живой линией. Через каждые пять саженей я ставлю мелом цифру и прикладываю ладонь к переборке. Металл дрожит ровно, пока мы не достигаем старой заклёпки с почти стёртым клеймом.

Я очищаю её рукавом.

На головке выбито семь маленьких колоколов.

— Вы знали этот знак? — спрашиваю я.

— Видел однажды в закрытом деле.

— В каком?

— О переустройстве русла.

— Так Совет назвал затопление?

— Так оно значится в реестре.

Слова не прибавляют веса. Север говорит правду — недостаточную, страшную именно своей аккуратностью.

Мы доходим до второй двери. На схеме за ней должен начинаться короткий обход цистерны. В действительности петли направлены к нам, хотя эвакуационные двери всегда открываются наружу. Кто-то хотел не удержать воду внутри, а удержать людей снаружи.

Я ударяю молотком по раме.

Обычный металл отвечает коротко. Здесь звук тянется, расщепляется и складывается в знакомую последовательность. Семь колоколов звали жителей Берега к воде, пожару и собранию. Эту мелодию играли только однажды в году без тревоги — в ночь, когда дома выставляли на окна свечи для тех, кто не вернулся с реки.

Теперь она звучит из-за запечатанной двери.

Красный шнур дёргается один раз.

— Минута, — говорит Север.

Я опускаюсь к нижнему шву. Там, под слоями краски, виден узкий латунный край. Не часть судовой двери — часть архитектурной рамы. Я знаю такую работу. Отец прятал крепёж в рисунок волны, потому что считал видимый болт признанием ленивого замысла.

На латуни идёт его знак: незамкнутый круг и вертикальная черта.

Я касаюсь металла.

За дверью музыка обрывается.

В наступившей тишине слышен другой звук.

Человеческий вдох.

Север встаёт между мной и дверью, но не загораживает обзор.

— Назад, — говорит он.

— Там кто-то есть.

— Или что-то хранит запись дыхания. Мы не знаем.

Шнур дёргается трижды.

На этот раз мы не спорим.

На обратном пути корпус наклоняется ещё на палец. Север идёт последним, удерживая шнур так, чтобы он не зацепился за трубы. У первой двери нас втягивает Тая. Она захлопывает створку и показывает отвес: груз качается у одиннадцатой отметки.

— Что нашли?

Я раскрываю ладонь. В ней лежит крошка старой краски, снятая со знака отца.

— Не пустоту, — отвечаю я.

Север снимает с запястья красный шнур. Кровь снова прошла сквозь повязку, но теперь он не прячет руку.

— До утра дверь будет под моей личной охраной, — говорит он.

— А после?

— После Совет пришлёт человека, который объяснит нам, почему мы не слышали музыку.

— Вы верите их объяснению заранее?

— Нет.

Одно короткое слово. Под ногами ничего не меняется.

Тая уносит отвес к насосам. Мы с Севером остаёмся у опечатанной двери. Между нами нет доверия, только подписанная мера, нарушенная и заново согласованная. Но иногда граница, которую двое провели вместе, надёжнее обещания.

Из глубины «Палимпсеста» снова приходит семь нот.

На этот раз после последней звучит восьмая — тихая, незнакомая, обращённая будто прямо ко мне.

И я понимаю: запечатанная палуба не просто хранит музыку Берега.

Она учится отвечать.

Глава 3. Песня под ватерлинией

К рассвету я успеваю возненавидеть восьмую ноту.

Она появляется через каждые девять минут. Семь знаковых ударов поднимаются от днища, как пузырьки воздуха из затопленного колокола, затем следует пауза, в которую я всякий раз успеваю решить, что ответ мне примерещился. И тогда приходит восьмой звук — ниже остальных, слишком длинный для металла и слишком ровный для человеческого голоса.

Север выставил у технического хода двух матросов, но сам не ушёл. Он сидит на перевёрнутом ящике у двери и записывает время каждого повтора. Повязка на ладони стала бурой. Я делаю вид, что не замечаю; он делает вид, что ему не больно. Это честный обмен бесполезным молчанием.

Тая принесла из мастерской три слуховые чаши, моток медной проволоки и кружку настоя, от которого язык немеет раньше, чем проходит усталость.

— Если это песня, — говорит она, прижимая первую чашу к переборке, — у неё отвратительное чувство времени.

— Это не песня. Это сигнал.

— Ты узнала семь нот.

— Я узнала порядок тревожных колоколов.

— А восьмую?

Я не отвечаю. Мы не в комнате тишины, но после вчераш-

него крена даже обычное уклонение кажется движением палубы под ногами.

Север отрывается от журнала.

— Госпожа Рейн, до прибытия инспекции осталось около трёх часов. Совет требует изолировать вас. Я истолковал приказ настолько узко, насколько мог. Следующее сообщение наверняка исправит эту оплошность.

— Значит, у нас три часа.

— У нас меньше. Крен вырос ещё на четверть пальца.

Тая переворачивает слуховую чашу. Внутри натянута тонкая мембрана с песком. Семь нот собирают песчинки в семь коротких дуг. Восьмая стягивает их в незамкнутый круг, переречёркнутый вертикальной линией.

Знак отца.

Я провожу ногтем по краю чаши, разрушая рисунок раньше, чем Север успевает наклониться ближе. Поздно: он уже увидел.

— Вы говорили, что ваш отец строил на Берегу, — проносит он.

— Он строил везде вдоль нижнего русла.

Песок дрожит. Палуба едва заметно уходит под правую ногу.

Тая смотрит не на отвес, а на меня.

— Здесь уклонение тоже работает, — говорит она.

— Здесь работает связанный контур, — поправляю я.

— Разница сейчас только в названии.

Я встаю. Усталость делает металл слишком ярким, лица — плоскими, а память — убедительной. Мне снова двенадцать, я стою у окна нашей кухни и считаю колокола. Отец велел не открывать дверь, пока не прозвучит восьмой. На Берегу было семь башен и семь колоколов. Я решила, что он оговорился.

Восьмого удара тогда не было.

Вода пришла раньше.

— Мне нужна схема старой переборки, — говорю я.

— Её нет в действующем комплекте, — отвечает Север.

— Есть след ремонта. Петли повёрнуты внутрь, латунная рама врезана в судовой металл, крепёж замаскирован волной. Отец так делал только в конструкциях, которые должны были раскрываться под нагрузкой, а не сопротивляться ей.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я была его ученицей.

Слова выходят ровно. За дверью что-то протяжно вздыхает. Потом раздаётся сухой треск.

Тая прижимает ладонь к переборке.

— Напряжение упало.

Она устанавливает на шов маленькую дугу с двумя иглами. Левая отступает от красной черты.

— На три деления, — говорит она. — Ада, повтори.

— Это не заклинание.

— Конечно. Поэтому повтори точно.

Север закрывает журнал.

— Только добровольно.

Я смотрю на него. Он мог бы воспользоваться должно-
стью, опасностью, приказом Совета. Вместо этого оставляет
мне выход, хотя судно проседает под нами.

— Я была ученицей своего отца, — повторяю я. — Он
научил меня прятать крепёж в рисунок. И он велел ждать
восьмого колокола в ночь затопления.

Игла отходит ещё на два деления.

Где-то за дверью с гулом осыпается то ли штукатурка, то
ли спёкшаяся соль. «Палимпсест» приподнимает западный
борт на толщину ногтя.

— Правда становится опорой, — шепчет Тая.

— Не всякая, — говорю я. — Только та, которую контур
узнаёт и которую отдают без принуждения.

— А контур узнал вас, — замечает Север.

Мне не нравится, как это звучит. Будто судно выдало мне
наследство, которого я не просила. Будто умение отца делает
меня хозяйкой того, что лежит за дверью.

— Он узнал конструктивную связь, — отвечаю я. — Не
право собственности.

Я беру мел и рисую на палубе дверь, раму и силовые ли-
нии. Восьмая нота не зовёт меня по имени. Она показывает
незавершённый узел. Семь ударов обозначают нагрузку по
семи секциям, восьмой — путь, по которому её следовало
вывести.

Отец не придумал тайный колокол. Он превратил чертёж

в мелодию, которую могла прочесть я.

Эта мысль хуже обвинения. Значит, он предполагал, что обычные схемы уничтожат. Значит, до ночи затопления знал достаточно, чтобы оставить запасной язык, но не достаточно — или не решился, — чтобы спасти Берег.

— Мне надо увидеть верхний край рамы, — говорю я.

Север качает головой.

— Соглашение истекло.

— Тогда заключим новое.

— На этот раз Совет прямо запретил доступ к нижней палубе.

— Я не прошу открыть дверь. Нужно снять наружную обшивку над рамой. Это ремонт действующего корпуса.

Тая фыркает.

— Вы двое однажды утопите корабль толкованием предлогов.

— Сегодня толкование держит нас на воде, — отвечает Север. — Условия?

Мы составляем их на обороте вчерашнего соглашения. Обшивку снимает Тая. Я наблюдаю и измеряю. Север останавливает работу при росте крена или появлении трещины длиннее ладони. Никто не касается печати на двери. Любая находка заносится в общий журнал, копию которого получает каждый из нас.

— И ещё, — говорю я. — Никаких вопросов о Береге, пока я сама не решу, что относится к конструкции.

Север ставит рядом с этим условием свою подпись первым.

Тая приносит узкий ломик и набор клиньев. Наружная полоса обшивки держится на новых заклёпках, слишком блестящих рядом со старым металлом. Под первой оказывается серая пакля. Под второй — слой речной глины. Под третьей мы находим шов.

Он идёт не по раме, а вверх, пересекает потолочную балку и исчезает в направлении старого зала тишины. Кто-то встроил запечатанную палубу в силовой набор «Палимпсеста», как тайную комнату в несущую стену. Её нельзя просто вырезать или выбросить: вместе с ней сложится западная половина архива.

— Вот почему вес не исчез, когда мы разомкнули новый зал, — говорю я. — Старый контур получил недостающую опору. Моя комната не создала тысячу мер. Она позволила судну наконец их показать.

Север проводит карандашом вдоль шва, не касаясь металла.

— Можно изолировать связь?

— Можно попробовать. Тогда скрытая нагрузка снова перестанет измеряться, но никуда не денется.

— Можно разгрузить её?

— Не зная, что внутри, нет.

— А Совет предложит выбросить секцию целиком, — говорит Тая.

Никто ей не возражает.

Из переговорной трубы раздаётся голос вахтенного:

— Капитан, курьерский катер на расстоянии двух миль.

Передаёт полномочия инспекции. Требуется остановить ход.

Север подходит к трубе.

— Подтвердите получение. Ход снизить на четверть, не останавливать: течение снесёт нас на отмель.

— Они требуют полной остановки.

— Пусть пришлют лоцманский расчёт, который отменяет течение.

Он закрывает заслонку.

— Сколько времени? — спрашиваю я.

— Двадцать минут.

Восьмая нота проходит по оголённому шву. Теперь я слышу в ней не только низкий гул. Внутри есть дребезжание, короткая пауза и высокий обертон — три размера, три указания. Отец учил меня читать такие последовательности на мостах: длина, глубина, направление раскрытия.

Я отмечаю точки мелом. Семь секций сходятся к пустому месту над дверью. Там Тая снимает последнюю узкую пластину. Под ней обнаруживается латунная струна, зажата в пазу. Она натянута так, что корпус играет на ней каждым изменением осадки.

Рядом процарапаны слова.

Я очищаю их мягкой кистью.

«Свидетель открывает. Наследник только слышит».

Север читает через моё плечо и сразу отступает, возвращая мне пространство.

— Значит, вы не ключ.

Я не ожидала облегчения. Оно приходит резко, почти стыдно.

— И никогда им не была.

— Но слышите инструкцию.

— Да.

— Что она говорит?

Я ударяю камертоном о собственное колено и подношу к струне. Чистый звук входит в металл. Семь участков рамы отвечают по очереди; восьмой остаётся немым. Не хватает не ноты, а признания, на которое рассчитана конструкция.

Перед глазами всплывает отец у окна. Его руки пахнут латунной стружкой. Он говорит: «Жди восьмого». Я кричу, что колоколов семь. Он застёгивает на мне плащ и впервые в жизни не объясняет чертёж.

Я прожила девятнадцать лет с удобной версией: отец ошибся, отец исчез, отец оставил меня. В ней было достаточно боли, чтобы не искать другую.

— Я не рассказала вам всего, — говорю я.

Тая перестаёт держать ломик. Север молчит.

— В ночь затопления отец пришёл домой до тревоги. На сапогах была глина с верхней плотины. Он велел мне собрать инструменты и ждать восьмого колокола. Я решила, что он сошёл с ума. Когда зазвонил первый, я ушла через окно одна.

Не стала ждать его и не предупредила соседей, потому что боялась: они задержат меня вопросами.

Шов тихо щёлкает. Одна из игл опускается.

— Мне было двенадцать, — продолжаю я. — Но все эти годы я говорила, что спаслась случайно. Это неправда. Я спаслась потому, что отец предупредил меня. И молчала, потому что тогда пришлось бы признать: он знал о воде зараженной.

Металл под ладонью становится тёплым. Не горячим — живым от уходящего напряжения. За дверью отвечает семь голосов, каждый произносит один и тот же выдох. Восьмая нота поднимается по струне и распадается на слова, которых я не слышу ушами, но понимаю ладонью:

не одна

Переборка сдвигается на ширину волоса. Не дверь — силовой шов над ней. По нему пробегает светлая линия, и стрелка Таи падает сразу на шесть делений.

Судно выпрямляется.

В коридоре звенят незакреплённые инструменты. Из трубы доносится крик с мостика: западная осадка уменьшилась на сорок мер.

Тая медленно выдыхает.

— Одно признание держало сорок мер?

— Нет, — говорю я. — Сорок мер держало усилие скрыть связь. Контур перестал тратить нагрузку на запертую дверь.

Север смотрит на надпись.

— «Свидетель открывает». Кто свидетель?

— Не я. Я видела только начало катастрофы и предупреждение отца. За дверью должны быть голоса тех, кто знал остальное.

Сверху гремят шаги. Инспекция уже пришвартовалась.

Север быстро делает три копии нашей записи и отдаёт одну мне, вторую Тае. Третью запечатывает собственной печатью.

— Сейчас сюда войдут люди, которым нужна простая причина крена, — говорит он. — Личная связь архитектора их устроит.

— Вы предлагаете её скрыть?

— Нет. Предлагаю не позволять им назвать её единственной причиной. Вы расскажете столько, сколько считаете относящимся к расследованию. Я представлю измерения и поддельные ведомости. Тая — конструктивный шов.

— А если нас разделят?

— Поэтому у каждого копия.

Это не обещание защитить меня. Обещания легко превращаются в долг. Он предлагает процедуру, которая работает и без доверия.

За дверью технического хода звучит властный стук.

— Капитан Лад! По полномочию Совета немедленно откройте!

Север смотрит на нас.

— Работа остановлена по условию прибытия инспекции.

Согласны?

Тая первой убирает инструменты. Я накрываю оголённую струну защитной пластиной, не закрепляя её. Мы не вскрыли хранилище и не нарушили печать. Но теперь знаем: перед нами не груз, который можно объявить опасным и сбросить в реку. Это конструкция, ожидающая согласия свидетелей.

— Согласна, — говорю я.

Север открывает наружную дверь.

На пороге стоит женщина в сером мундире без речной соли на сапогах. За её спиной Мер держит новый приказ. Инспектор окидывает взглядом снятую обшивку, прибор Таи и мел у моих пальцев.

— Кто разрешил работы?

— Я, — отвечает Север.

— Кто обнаружил скрытый контур?

— Мы, — говорю я.

Слово выходит без колебания. Под палубой отзывается не восьмая нота, а целый аккорд — тихий, устойчивый, похожий на балку, которая наконец легла на все опоры.

Инспектор морщится.

— Что это было?

Я смотрю на запечатанную дверь, за которой хранятся чужие голоса, и впервые не принимаю их ответ за обращение лично ко мне.

— Переборка облегчилась, — отвечаю я. — Потому что мы перестали лгать о том, кто её держит.

Глава 4. Право не отвечать

Инспектор представляется только тогда, когда мы поднимаемся в новый зал тишины.

— Ливена Мор, полномочная проверяющая Совета русел.

Она не протягивает руки. Её серый мундир сшит так, будто ткань тоже обязана держать строй: ни складки, ни нитки, за которую можно потянуть. Позади идут Мер с приказом и двое служителей в белых перчатках. Один несёт ящик печатей, другой — складной стул с ремнями на подлокотниках.

Я останавливаюсь на пороге.

— Это для кого?

— Для свидетеля, — отвечает Ливена.

— Свидетель не груз.

— На воде всё является грузом, госпожа Рейн. Даже убеждения архитектора.

Под левым каблуком возникает знакомая зыбь. Не удар, не просадка — медленное движение палубы в сторону окон. Контур слышит уклонение, хотя проверяющая не солгала ни одним словом. Она просто назвала назначение стула, не объяснив ремни.

Тая, идущая последней, ловит отвес ладонью.

— Две риски к востоку.

Ливена даже не оборачивается.

— Крен начался до моего прибытия.

— Этот — после вашего ответа, — говорю я.

Север закрывает дверь зала, но остаётся рядом с ней, не занимая капитанское возвышение. На его ладони новая повязка. Мер кладёт приказ на стол так осторожно, словно бумага может провалиться сквозь доски.

— Совет назначил немедленное дознание, — говорит Ливена. — У нас есть свидетельница затопления Берега Семи Колоколов. Она содержалась в береговом приюте памяти и сегодня потребовала встречи с архитектором Рейн.

— Потребовала или согласилась? — спрашиваю я.

— Она поднялась на борт добровольно.

Палуба снова уходит к окнам.

Тая молча показывает три пальца.

— Вы отвечаете не на мой вопрос, — говорю я.

— А вы забываете своё положение. Ваша лицензия действует до решения Совета и только в пределах порученной работы.

— Вот именно. Безопасность зала — моя работа. Ремни снимаются.

Ливена смотрит на Севера, ожидая, что он вернёт меня в отведённые границы. Он подходит к стулу, проверяет застёжки и обращается не ко мне.

— Какова измеримая необходимость удерживать свидетеля?

— Она может причинить вред себе или архиву.

— Есть заключение лекаря?

— Есть опыт Совета.

— Это не заключение.

В его голосе нет вызова, только та сухая точность, которой он вчера ограничивал меня. Теперь она работает в другую сторону.

Ливена снимает перчатку.

— Капитан Лад, приказ даёт мне право использовать оборудование дознания.

— А судовой устав требует от меня не допускать предметов, увеличивающих риск крена. Архитектор зафиксировала связь контура. Пока проверка стула не завершена, ремни применяться не будут.

Он не отменяет приказ и не изображает спасителя. Он требует процедуру. Мне всё равно становится легче дышать.

Служитель расстёгивает ремни и складывает их в ящик. Палуба не выравнивается. Стул был только первым вопросом.

Свидетельницу приводят через несколько минут.

Иара Соль ниже меня на голову и почти вдвое старше. Седые волосы обрезаны у самого подбородка. На ней тёмно-синее платье берегового приюта, слишком тонкое для речного ветра, а поверх — чужой шерстяной платок. Она ступает осторожно, но не из слабости: перед каждым шагом изучает доску, будто выбирает, какой части судна доверить свой вес.

Увидев меня, Иара не улыбается.

— Ты похожа на отца подбородком, — говорит она. —

Это неудобно.

— Мы встречались?

— Нет. Я видела, как он закрывал северный шлюз.

Семь нот под полом звучат одновременно. Латунные вставки в стенах темнеют, а отвес Таи бьётся о восточную черту.

Ливена указывает Иаре на стул.

— Садитесь. Назовите полное имя, возраст и отношение к событиям на Берегу.

Иара остаётся стоять.

— Я пришла говорить с Адой Рейн.

— Сначала Совет установит вашу личность.

— Вы устанавливали её девятнадцать лет.

— Назовите полное имя.

— Нет.

Слово падает в комнату, но не становится весом. Я жду толчка, стопа балки, движения стрелки. Ничего. Даже прежний крен на миг замирает.

Ливена поворачивается ко мне.

— Комната неисправна.

— Она работает.

— Свидетельница отказывается отвечать.

— Отказ не равен лжи.

— В вашем проекте уклонение создаёт крен.

— Уклонение маскирует ответ под видом другого ответа.

Иара ничего не маскировала.

Иара впервые смотрит на меня не как на продолжение отца.

— Значит, ты всё-таки слушаешь слова, а не только стены.

Я подхожу к чертёжному столу. Новый зал строился для вопросов, на которые предполагался ответ. Вход обозначен медной полосой. Место задающего — тёмным кругом. Место отвечающего — светлым. Все силовые линии сходятся между ними, как натянутые поводья. Я предусмотрела аварийный выход, сброс давления, размыкание контура. Но не место, где человек может отказаться участвовать.

Север замечает, куда я смотрю.

— Что вам нужно?

— Не знаю.

Ливена коротко усмехается.

Пол подо мной тяжелеет. Совсем немного, на одну меру — достаточно, чтобы я почувствовала собственную ложь.

Я исправляюсь:

— Знаю направление, но не размер. Мне нужна ниша, не связанная с линией вопроса. Место, из которого молчание будет выходом, а не препятствием.

— Вы собираетесь перестраивать зал во время дознания?

— Дознание ещё не началось, — говорит Север. — Личность свидетельницы не установлена.

Иара поднимает бровь.

— Капитан умеет быть невыносимым в обе стороны.

— Это экономит время.

Тая уже открывает ящик с инструментами.

Мы не можем ломать стену: за ней проходит связанный шов скрытой палубы. Я выбираю западный простенок между двумя латунными рёбрами. Здесь контур воспринимает человека, но не направляет его голос к весовым чашам. Тая снимает панель. Я разворачиваю внутреннюю медную полосу, размыкаю её на ширину двух ладоней и вкладываю поперёк кусок речного стекла.

— Стекло лопнет, — говорит она.

— Если заставить нишу нести правду. Но она ничего не понесёт.

— Тогда зачем ей контур?

— Чтобы зал знал: человек остаётся внутри по своей воле и может вернуться к разговору.

Иара подходит ближе.

— А уйти?

— Дверь за вашей спиной не заперта.

— Пока.

Я смотрю на Ливену.

— Дверь останется незапертой?

— Совет не поручал вам определять порядок дознания.

Палуба наклоняется ещё на полриски.

Север ждёт. Я тоже. Ливена переводит взгляд на отвес, затем на тонкую трещину, появившуюся в штукатурке над окном.

— Дверь останется незапертой до прямого распоряжения,

— говорит она.

Крен не меняется.

— Это снова не ответ, — замечает Иара.

Ливена сжимает губы.

— Да. Во время сегодняшнего дознания дверь останется незапертой.

Отвес возвращается на полриски.

Я заканчиваю нишу низкой скамьёй и деревянной планкой над головой. На планке вырезаю четыре слова: «Я не буду отвечать». Не «не могу», потому что возможность у человека часто есть. Не «не знаю», потому что знание не принадлежит задающему вопрос. Не «позже», потому что это обещание. Четыре слова, которые ничего не прячут.

— Кто первым? — спрашивает Тая.

— Я.

Я встаю в нишу. Стекло за спиной холодит лопатки.

Север остаётся у двери.

— Госпожа Рейн, ваш отец участвовал в намеренном за-топлении Берега?

Вопрос точен и жесток. Он предупреждает меня взглядом за мгновение до того, как произнести, но не смягчает формулировку.

Я слышу, как под нами натягивается струна.

— Я не буду отвечать.

Ничего не происходит.

Не облегчение. Не новая опора. Просто отсутствие нагруз-

ки.

— Спросите иначе, — говорю я.

— Вы знаете, участвовал ли ваш отец в затоплении?

Я могла бы сказать, что знаю недостаточно. Это было бы похоже на правду и удобно спрятало бы то, что я видела глину с верхней плотины на его сапогах. Вместо этого повторяю:

— Я не буду отвечать.

Стекло остаётся целым. Весовые чаши неподвижны.

Тая проводит пальцем по поперечной полосе.

— Контур видит границу.

— Он не видит, — говорит Иара. — Он получает её.

Она становится рядом со мной, не входя в нишу.

— Теперь я.

Ливена раскрывает папку.

— Иара Соль, пятьдесят восемь лет, бывшая смотрительница третьей колокольни.

Иара не подтверждает и не отрицает.

— В ночь затопления вы находились у северного шлюза?

— Я не буду отвечать.

— Вы видели Кира Рейна?

— Я не буду отвечать.

— Он закрыл шлюз по собственной воле?

Иара входит в нишу.

— Я не буду отвечать.

Три отказа не добавляют ни меры. Ливена перелистывает страницу.

— Вы утверждали в приюте, что храните имена ответственных.

— Я не буду отвечать.

— Вы прибыли на судно, чтобы шантажировать Совет?

— Нет.

В полу раздаётся тихий щелчок. Не вес — опора. Одна из латунных вставок светлеет.

— Вы прибыли передать свидетельство Аде Рейн?

Иара долго смотрит на меня.

— Я пришла решить, можно ли доверить ей право услышать. Это не то же самое, что передать.

Комната принимает ответ без движения.

Ливена делает отметку.

— Значит, свидетельство у вас.

— Я не говорила этого.

— Где оно хранится?

— Я не буду отвечать.

— В приюте?

— Я не буду отвечать.

— В запечатанной палубе «Палимпсеста»?

Иара молчит.

Не отказывается. Не произносит границу. Просто смотрит на стекло за своей спиной, а потом на меня. Палуба начинает медленно уходить к востоку.

— Скажите формулу, — шепчет Мер.

Ливена поднимает ладонь, запрещая ему вмешиваться.

— Вы оставили запись в скрытом архиве до затопления?

Крен растёт. Иара знает ответ и пытается не дать его ни Совету, ни комнате. Молчание само по себе не защищает, если задающий уже объявил его обязанностью.

Я подхожу к светлому кругу и закрываю его своим телом.

— Вопрос снят.

— Вы не уполномочены, — говорит Ливена.

— Тогда я размыкаю зал по аварийному условию.

— Основание?

— Разница между отказом и уклонением установлена.

Дальнейший крен вызван не ложью свидетеля, а отсутствием признанного права завершить разговор.

Север смотрит на отвес: уже четыре риски.

— Инспектор Мор, приостановите дознание.

— Продолжайте измерения.

— Это приказ капитана.

— Мои полномочия исходят от Совета.

— А моя ответственность — за людей на судне. При четырёх рисках новый зал закрывается.

Ливена подходит к нему вплотную.

— Вы отменяете дознание, которое может установить причину перегруза?

— Я отменяю способ, превращающий отсутствие согласия в угрозу корпусу.

Слова проходят по комнате, и крен замирает.

— Запишите, Мер, — говорит Ливена. — Капитан Лад

воспрепятствовал исполнению приказа Совета.

Мер берёт перо, но не пишет.

— Дословно? — спрашивает он.

— Дословно.

— Тогда в приказе не сказано, что свидетель обязан отвечать.

Впервые за всё утро он смотрит прямо на Ливену. Палуба под ним остаётся неподвижной.

Север открывает дверь.

— Дознание окончено. Госпожа Соль может остаться на судне как пассажир либо вернуться на катер. Решение за ней.

— Я останусь, — говорит Иара. — Но не в архивном отсеке и не под охраной Совета.

— Тая найдёт вам место рядом с мастерской.

— Я сама найду, — отвечает Иара и после паузы добавляет: — Но пусть покажет, где не течёт.

Тая усмехается.

Ливена снимает со стола приказ и складывает его вдвое. Снаружи бьёт судовой колокол: полдень. Почти сразу переговорная труба у двери кашляет бумажной лентой. Север вытягивает её, ломает печать и читает.

Лицо его не меняется. Только повреждённая ладонь сильнее сжимает край листа.

— Новый приказ? — спрашиваю я.

Он передаёт ленту мне.

Совет больше не требует объяснить вес. Он требует

уменьшить его.

«Ввиду угрозы судну до рассвета отделить и сбросить неучтённый груз западного борта. Свидетельские записи, владельцы которых не установлены, считать бесхозными».

Под текстом семь печатей.

Иара читает через моё плечо. Её палец останавливается на слове «бесхозными».

— Они установили наши имена, — говорит она. — Просто не хотят устанавливать наше право.

Ливена надевает перчатку.

— Капитан, у вас меньше восемнадцати часов.

— Секция встроена в несущий набор, — отвечаю я. — Её нельзя отделить без обрушения западной палубы.

— Тогда отделите содержимое.

Семь нот проходят под ногами. Теперь я слышу в них не просьбу открыть дверь. За каждой стоит человек, которому когда-то не оставили ниши молчания, а после назвали его свидетельство ничьим.

Север берёт у меня приказ и разворачивает на столе рядом с чертежом. Не рвёт. Не обещает послушаться. Ставит песочные часы.

— До рассвета, — говорит он. — Значит, до рассвета мы докажем, что груз кому-то принадлежит.

Иара смотрит на нишу, которую мы построили за один час, и качает головой.

— Чтобы открыть ту дверь, одной правильной комнаты

мало.

— Что нужно? — спрашиваю я.

— Сначала показать, что станет с памятью, которую вы бросаете в реку.

За окнами «Палимпсест» входит в узкий поворот. У дальнего берега белеет песчаная коса, которой нет ни на одной карте.

Иара узнаёт её раньше нас.

— Вот и покажет, — говорит она. — Ваша первая отмель.

Глава 5. Первая отмель

Белая коса похожа на кость, которую река не сумела проглотить.

Ещё час назад на карте между поворотом и посёлком Лоцманская Гать была чистая вода. Теперь песок тянется от берега почти до середины русла. На нём лежат обломки досок, глиняные черепки и десятки одинаковых железных скоб. Они блестят так, словно их вынули из воды сегодня, хотя ржавчина съела половину металла.

Север приказывает сбавить ход. «Палимпсест» отвечает тяжёлым дрожанием винтов. Мы останавливаемся выше косы, и течение медленно разворачивает нос к берегу.

— Здесь был мост, — говорит Иара.

На берегу стоят дома. Дорога подходит к воде с обеих сторон и обрывается одинаковыми каменными устоями. Между ними нет ни настила, ни свай. Люди переходят реку на маленьком пароме, натягивая канат руками.

— Был? — спрашивает Тая.

— Я шла по нему девять лет назад. Каменные быки, пять пролётов, на перилах вырезаны цапли. Его построили до рождения моей матери.

Я смотрю в подозрную трубу. На дальнем устое различимы две птицы. Они обращены к пустоте.

— Мост могло снести половодьем.

— Тогда его помнили бы.

С берега уже отходит лодка. В ней трое: пожилая женщина с багром, мальчик и мужчина в кожаном фартуке. Женщина поднимается к нам первой и сердито отказывается от поданной руки.

— Кто у вас отвечает за фарватер? — спрашивает она. — Косу намыло за одну ночь. Паром уже дважды сел.

Север называет себя. Женщина оглядывает его форменный плащ, замечает знак цензора на воротнике и сплёвывает за борт.

— Значит, опять архив.

— Почему опять? — спрашиваю я.

— Потому что после ваших судов река мелкая, а люди глупые.

Мужчина в фартуке одёргивает её:

— Тётка Яна, не выдумывай. Судно Совета приходит впервые.

— Ты откуда знаешь, Лой?

— Я веду приходские записи.

Иара подходит к борту.

— Как вы переходили на восточный берег до парома?

Лой пожимает плечами.

— На лодках. Как ещё?

— А эти устои для чего?

Он смотрит туда, куда она указывает. Уверенность с его лица уходит не сразу. Сначала он щурится, потом касается

пальцами виска.

— Для старого причала.

— Причалу не нужны два одинаковых въезда.

— Значит, для ворот.

— Посреди реки?

Мальчик смеётся. Лой оборачивается на него слишком резко.

— Не знаю. Я не каменщик.

Женщина Яна протягивает мне багор.

На крюке висит синяя дощечка. Я очищаю её от песка и вижу белую цаплю, а под ней обрывок слова: «...ОСТ».

— «Мост», — говорю я.

Лой читает вслух, но в его голосе нет узнавания.

— Может быть, название лодки.

Иара просит его показать ладони. На правой — широкая мозоль у основания большого пальца, на левой — тонкие поперечные рубцы.

— Канат парома режет иначе, — говорит Тая. — Эти от рубанка.

— Я чиню дома.

— И мосты?

Лой открывает рот. «Палимпсест» наклоняется на восток так мягко, что вода в ведре у мачты касается края. Он ищет удобный ответ и сам не знает, что прячет.

Я опускаюсь на колени возле дощечки. Дерево хранит отверстия от двух кованых гвоздей. На обороте выжжена мет-

ка мастера: Л в кольцо.

— Это ваша?

Лой проводит по метке пальцем.

— Похожа.

— Вы делали эту табличку?

— Я не помню.

Крен не меняется. Честный ответ.

Яна садится прямо на палубу.

— Его отец сорвался с третьего пролёта, — говорит она.

— Мы всю зиму носили им похлёбку. А теперь он рассказывает про лодки.

— У моего отца горячка была, — возражает Лой.

— После падения.

— Какого падения?

Яна закрывает лицо обеими руками. Мальчик касается её плеча, но она отталкивает его и тут же притягивает обратно.

— Видите? — Иара говорит это не Лою. Она смотрит на Севера. — Вот что вы называете уменьшением груза.

Север не отвечает.

С нижней палубы приходит матрос с серым футляром в руках. Футляр длиной с предплечье, обит свинцовой нитью и не имеет ни имени, ни номера. За ним появляется Ливена Мор.

— Безымянная капсула из внешнего приёмника, — сообщает она. — Не связана с запечатанной секцией. Подлежит немедленному сбросу по действующему приказу.

— Вы выбрали её сейчас? — спрашиваю я.

— Автоматический жребий.

— Где запись о приёме?

— Отсутствует. Поэтому капсула бесхозьяная.

Я беру футляр. Он почти ничего не весит, но семь нот под палубой сбиваются. Одна становится короче.

— Мы стоим возле отмели, возникшей после прежнего сброса, — говорю я. — И вы предлагаете повторить его перед людьми, которые уже потеряли часть своей жизни.

— Я исполняю решение Совета.

— Решение требует сбросить неучтённый груз до рассвета. Оно не требует начинать с этой капсулы.

— Тогда назовите владельца.

На крышке только три глубокие царапины. Я провожу по ним ногтем. Контур молчит.

Ливена кивает матросу. Тот протягивает руки.

— Нет, — говорит Север.

Это слово ничего не облегчает.

— Капитан? — Ливена ждёт объяснения.

— Сначала измерение последствий.

— Последствия известны.

Он смотрит не на неё, а на белую косу.

— Да.

Тишина становится тесной, хотя мы стоим под открытым небом.

— Насколько давно? — спрашиваю я.

Север снимает перчатку с повреждённой руки. На ладони проступили красные линии от приказной печати.

— Шесть лет назад я сопровождал санитарный сброс у Верхних Ключей. Через неделю жители перестали различать три родника. Двое детей отравились водой из старой кра-
сильни. В отчёте причиной назвали сезонное смещение рус-
ла.

— И вы подписали отчёт?

— Да.

Палуба тяжелеет на одну меру.

— Вы знали, что сбросы создают отмели, когда вчера го-
ворили о необходимости облегчить судно?

— Знал.

Ещё одна мера ложится под моими ступнями — не за этот
ответ, а за всё, что было не сказано раньше.

Я возвращаю ему футляр.

— Тогда измерять будем на том, что уже сделали. Эту кап-
сулу не бросим.

Ливена раскрывает приказ.

— Неподчинение будет записано.

— Запишите также, — говорю я, — что отсутствие имени
не доказывает отсутствие владельца. Оно доказывает отсут-
ствие журнала.

Иара подходит к Лою.

— Хотите узнать, что забрала река?

Он долго смотрит на табличку.

— А если я не хочу?

— Тогда мы не станем заставлять.

Лой кивает на Яну:

— Ей хуже от того, что она помнит.

— Ей хуже одной, — отвечаю я. — Это другое.

Мы спускаемся на косу впятером: я, Тая, Иара, Лой и Север. Ливена остаётся на судне с футляром под охраной. Яна отказывается идти, но отдаёт багор.

Песок под ногами не похож на речной. В нём перемешаны крошки извести, пуговицы, кусочки писем и гладкие стеклянные бусины. Отмель сложена не только из вещей. Она собрана из связей между ними.

Тая находит ряды железных скоб. Они лежат через равные промежутки, отмечая невидимые пролёты. Лой идёт вдоль них и считает шаги.

На пятом десятке он останавливается.

— Здесь была ремонтная площадка.

Он говорит это тихо, словно боится спугнуть собственный голос.

— Вы вспомнили? — спрашивает Иара.

— Нет. Тело вспомнило. Я всегда переступаю здесь через ящик.

На песке нет ящика. Но его нога поднимается выше, чем нужно.

Мы идём дальше. У третьего воображаемого пролёта Лой приседает и находит под слоем песка медный жетон. На нём

выбито его имя и слово «мастер».

Он сжимает жетон в кулаке.

— Если мост был, почему записи пустые?

— Потому что память сбросили вместе с подтверждениями, — говорит Север. — Люди заполнили пустоту объяснениями, которые не требуют моста.

— Кто имел право?

Север не прячет взгляд.

— Совет присвоил его себе. Я помогал исполнять.

Лой ударяет его. Кулак приходится в скулу. Север отступает на шаг, но не поднимает рук.

— Не смейте принимать это как плату, — говорю я.

Он поворачивается ко мне.

— Не принимаю.

Лой тяжело дышит.

— Тогда что изменит ваше признание?

— Само по себе — ничего.

Правда не становится легче и не превращается в опору. Для этого ей не хватает действия.

Я достаю из сумки лист кальки и раскладываю на песке. Отмечаю устои, скобы, дощечку, жетон, следы въездов. Тая снимает размеры. Иара записывает слова Яны отдельно от выводов. Лой сначала наблюдает, потом отбирает у меня карандаш и поправляет положение третьего пролёта.

— Здесь течение било сбоку, — говорит он. — Мы ставили раскос.

— Вы вспомнили?

— Рука знает линию.

На кальке возникает мост, которого нет в общей памяти. Не возвращённый — доказанный остатками, навыком, противоречиями берега.

Когда мы поднимаемся на борт, до рассвета остаётся двенадцать часов. Я кладу чертёж поверх приказа Совета.

— Моё условие сотрудничества, — говорю я Северу. — Ни одной капсулы за борт без записи: откуда она принята, кто решил, что владелец не установлен, какие поиски проведены, где и когда произведён сброс, что случилось с берегом после него. Старые рейсы тоже вносим.

— Совет не даст доступ к полному журналу.

— Тогда вы не получите моего расчёта безопасного сброса.

Ливена улыбается без радости.

— То есть вы отказываетесь спасать судно.

— Я отказываюсь называть спасением перенос ущерба на тех, кто не может войти в эту комнату и возразить.

Север берёт перо.

— Журнал будет.

— Не устное обещание.

Он пишет на обороте приказа: «До установления прослеживаемости груза и последствий сброс приостановить». Ставит капитанскую печать и передаёт перо мне.

Я добавляю: «Архитектурные расчёты не используются

для уничтожения свидетельств без подтверждённого поиска владельцев». Подписываюсь.

Тая подписывает как измеритель осадки. Иара — как представитель свидетелей. Лой после колебания выводит своё имя под словами «пострадавший берег».

Ливена не подписывает.

Но и капсулу не сбрасывает.

Север вызывает Мера и требует судовой журнал утилизации. Архивист бледнеет сильнее, чем во время дознания.

— Он неполный, — говорит он.

— Принесите тот, который есть.

— В нём вырваны страницы.

— Тогда принесите пустые строки.

Через десять минут на стол ложится толстая книга в серой коже. После каждой третьей записи в ней остаётся рваный корешок. Даты перескакивают через месяцы, названия берегов исчезают, подписи повторяются чужим почерком.

Я провожу пальцем по первому пробелу.

Под западной палубой отвечает восьмая нота.

— Пустота тоже имеет чертёж, — говорю я.

Тая ставит рядом отвес.

Север вынимает из кармана маленький чёрный ключ и кладёт на вырванную страницу.

— А у каждого чертежа есть дверь.

Глава 6. Журнал пустых строк

Пустая строка в судовом журнале шире реки.

Я кладу линейку вдоль рваного корешка. Бумагу вырезаю не торопясь: лезвие шло точно по сгибу, не задев нить переплёта. Тот, кто уничтожал записи, хотел сохранить книгу пригодной для новых записей. Не ярость. Не испуг. Работа.

Снаружи о борт шуршит Лоцманская отмель. «Палимпсест» стоит на якоре выше белой косы, но даже здесь вода приносит к нам пуговицы, щепки и обрывки чужих связей. Каждая такая вещь тихо касается обшивки. Мне чудится, будто кто-то стучит из реки и терпеливо называет отсутствующие имена.

— Семнадцать листов, — говорит Мер.

Он стоит у двери архивной рубки, не садится и держит руки за спиной. Ливена Мор забрала безымянную капсулу под охрану, однако сама не ушла: её силуэт виден за матовым стеклом. Инспектор ждёт, когда наше расследование упрётся в приказ Совета.

Тая поднимает взгляд от отвеса.

— Семнадцать листов или семнадцать рейсов?

— Листов. На каждом могло быть до шести операций.

— Могло? — переспрашивает Иара.

Мер сжимает губы. Стол едва заметно уходит к западному борту. Ниша права на молчание осталась в зале дознаний, па-

лубой выше, но новый контур Ады — мой контур — связал старые переборки слишком хорошо. Теперь «Палимпсест» слышит уклонение далеко за пределами комнаты.

— Я не знаю, сколько записей было на удалённых листах, — произносит Мер отчётливо.

Крен прекращается.

— Вот так и работаем, — говорит Иара. — Не знаете — говорите, что не знаете. Не хотите — говорите, что не хотите. Пустота между этими фразами и есть место, куда обычно ставят власть.

Север остаётся у стола. На скуле после удара Лоя темнеет ссадина. Он не трогает её и не смотрит на чёрный ключ, который положил поверх первого пробела.

Ключ короткий, с квадратной бородкой и круглой головкой без герба. На стержне три насечки. Я видела похожие у капитанских сейфов, но этот старше нынешних замков «Палимпсеста».

— Откуда он у вас? — спрашиваю я.

— Из связки предыдущего капитана.

— Это должностной ключ?

— Был им до перестройки нижней палубы.

— Почему вы носите его в кармане?

Север смотрит на меня прямо.

— Потому что шесть лет назад им заперли помещение после сброса у Верхних Ключей. Я не смог открыть его потом. Но не отдал ключ в опись.

Доски под его сапогами тяжелеют.

— Не весь ответ, — говорит Тая.

— Не весь.

Север кладёт ладонь рядом с ключом, не касаясь его.

— Я оставил его как доказательство того, что приказ был не последним звеном. И как оправдание для себя: пока ключ при мне, я будто бы ещё собираюсь вернуться и исправить сделанное.

Вес перестаёт прибывать. Но легче не становится.

— Сегодня он что-нибудь открыл? — спрашивает Иара.

— Пока только разговор, — отвечаю я.

Я разворачиваю на столе кальку с восстановленным мостом. Рядом Тая кладёт ведомости осадки: официальную копию и листы из машинного отделения, которые она прятала в кожухе водомерной рейки. На первых цифры выведены рукой писаря. На вторых — жирные метки механиков возле ватерлиний.

— Начнём не с того, что вырвали, — говорю я. — С того, что оставили вокруг дыр.

Первая сохранившаяся запись датирована четвёртым днём месяца Талой Воды. «Приём коллекции семейных свидетельств, двенадцать капсул, общий вес тридцать одна мера». Следующая — одиннадцатым днём. Между ними нет листа.

— Где судно было пятого числа? — спрашиваю Мера.

— По официальному маршруту — на переходе к Верхним

Ключам.

— А по вашему личному знанию?

— Я тогда не служил на «Палимпсесте».

Честно. Палуба молчит.

Север указывает на карту.

— Пятого мы приняли груз у Старых Красилен. Шестого стояли ниже Ключей. Ночью на седьмое провели сброс.

— Сколько капсул?

— В приказе было восемьдесят. Я видел тридцать два футляра на палубе. Остальные могли находиться в трюме.

— Что было записано в журнал?

— Не видел.

Я отмечаю даты на кальке не числами, а поперечными линиями. Рейс превращается в коридор. С одной стороны — известный приём, с другой — известная выдача. Вырванный лист не пустота, а комната между ними.

Тая подвигает машинную ведомость.

— Официальная осадка шестого числа: восемьсот сорок мер по западному борту, восемьсот тридцать девять по восточному. Машинная: восемьсот девяносто две и восемьсот сорок четыре.

— Разница в сорок восемь мер на западе, — говорю я.

— А после сброса официальная и машинная снова почти совпадают.

Север проводит пальцем от Старых Красилен до Верхних Ключей.

— Значит, груз приняли и сбросили в промежутке.

— Не весь, — отвечает Тая. — Смотрите на продольный наклон. Нос после сброса поднялся, западный борт — нет. Часть веса не исчезла. Её переместили ниже и ближе к середине корпуса.

Восьмая нота под палубой звучит так тихо, что остальные её не замечают. Я замечаю. Она возникает каждый раз, когда мы совмещаем два верных следа.

Я беру чистый лист.

— Дайте мне все даты, перед которыми или после которых вырвана бумага.

Мер наконец садится. Он надевает нарукавники и начинает листать журнал деревянной лопаточкой. Иара записывает даты. Тая приносит остальные машинные ведомости. Север снимает с карты маршруты и диктует стоянки, которые помнит лично. Мы не выдаём память за документ: возле каждого его свидетельства Иара ставит букву «С» и оставляет место для независимого подтверждения.

Ливена входит, когда на стене уже висят девять полос кальки.

— До окончания срока сброса девять часов, — говорит она.

— Сброс приостановлен капитанским распоряжением, — отвечает Север.

— Совет может отменить его.

— Тогда отмена должна быть письменной и содержать

признание известных последствий для берега.

Она смотрит на его ссадину, затем на подпись Лоя.

— Вы решили укрыться за пострадавшими?

— Нет. Решил перестать укрывать приказом себя.

Палуба не прибавляет ни меры.

Ливена подходит к стене.

— Это не расследование. У вас нет удалённых записей.

— У нас есть то, что они меняли, — говорю я. — Судно, маршрут и вода не умеют вырывать из себя страницы одинаковым ножом.

— Вы архитектор, а не ревизор.

— Именно поэтому я вижу помещение там, где вы видите пробел.

Она хочет возразить, но Иара поднимает руку.

— Вы можете не отвечать. Мы записываем и отказ.

Инспектор впервые замечает, что к стене прикреплён лист с правилами разговора. Я написала их крупно: «Факт отделяется от воспоминания. Незнание не считается виной. Отказ не считается ложью. Вывод допускается только при видимых основаниях». Ни одна фраза не требует подчинения.

— Я не буду участвовать, — произносит Ливена.

Крен не меняется.

— Записано, — говорит Иара.

Инспектор остаётся.

К полудню рисунок повторяется семь раз. Перед каждым вырванным листом судно принимает груз, который офици-

ально называют временным или незначительным. В машинных ведомостях западный борт проседает сильнее указанного. После пробела часть веса будто исчезает, но продольная осадка выдаёт перенос внутрь корпуса.

— Они делали две операции, — говорит Тая. — Видимый сброс и скрытую укладку.

— Зачем сбрасывать часть? — спрашивает Мер.

— Чтобы берег подтвердил завершение процедуры, — отвечает Север. — Наблюдатели видят капсулы в воде. Отчёт получает печать. Остаток уже не ищут.

— А остаток встраивают в палубу, — говорю я.

Я накладываю полосы кальки одну на другую. Семь рейсов совмещаются по одинаковым точкам: приём у борта, просадка, формальный сброс, неполное облегчение. От каждой точки я провожу линию туда, где вес должен был остановиться. Линии сходятся под старым залом дознаний.

Но там, согласно плану, цистерна и двойное дно.

— Длина скрытого помещения — не меньше двадцати четырёх шагов, — говорю я. — Ширина менялась после каждой укладки. Здесь стояли перегородки, которые переносили, чтобы распределять новый груз. Западная стена связана со шпангоутами, восточная оставлена податливой. Поэтому судно кренится отклонения: помещение построено как незавершённый ответ.

Тая присвистывает.

— Можно построить комнату так, чтобы она различала

правду и ложь. Но незавершённый ответ?

— Не различала. Накапливала. Каждая вырванная запись оставляла в конструкции вопрос без ответа. Мой новый зал дал этим вопросам контур.

Слова обжигают. Я пришла спасать корабль, а вместо этого помогла старой машине заговорить громче.

— Значит, тонна в первой комнате появилась из-за вас,
— говорит Ливена.

— Проявилась из-за моей работы. Создали её до меня.

Я заставляю себя не отводить взгляда. Разница нужна не для оправдания. Она нужна, чтобы выбрать правильное действие.

— Если разобрать ваш зал, связь исчезнет?

— Возможно. Но груз останется. Мы только перестанем его измерять.

— Иногда измерение и создаёт опасность.

— А иногда позволяет не назвать катастрофу сезонным смещением русла.

Север не вмешивается. Это мой профессиональный спор, и он оставляет его мне.

Мер перелистывает ещё несколько страниц и вдруг останавливается.

— Здесь не вырезано.

На вид лист цел. Записи идут подряд: приём, передача, проверка печатей. Но одна строка между ними белее остальных бумаг. Не пустая — выскобленная. Если смотреть пря-

мо, ничего не видно. Я поворачиваю лампу, и на волокнах проступают вдавленные следы пера.

— Кальку, — прошу я.

Тая удерживает лист на свету, я мягко прохожу графитом по верхней бумаге. Проявляются обломки букв и цифр. Название берега утрачено, зато остаётся номер отсека: «Н-7». Ни на одном нынешнем плане такого отсека нет.

Под номером — знак архитектора.

Две дуги, соединённые короткой вертикалью.

Метка моего отца.

Пальцы сами сжимают карандаш. Семь нот внизу повторяют детскую песню. Восьмая ждёт.

— Ада? — Тая касается моего локтя и сразу убирает руку, оставляя выбор мне.

— Я вижу.

— Продолжать?

Я смотрю на правила на стене. Незнание не вина. Отказ не ложь. Но это не освобождает от решения.

— Продолжать. Только метку пока записываем как наблюдение, не как доказательство авторства.

Мер кивает. Иара пишет: «Знак совпадает с известной меткой Кира Рейна; происхождение записи не установлено».

Север берёт чёрный ключ.

— Н-7, — говорит он. — Так называлось помещение, которое заперли после Верхних Ключей.

— Вы знали номер?

— Знал.

Комната тяжелеет.

Он закрывает глаза на один вдох.

— И не сказал утром, когда принёс ключ. Я хотел сначала понять, что открывает журнал. Оставил себе преимущество.

— Над кем?

— Над вами. Над Советом. Над любым, кто потребовал бы ключ. Я назвал бы это осторожностью.

— А сейчас?

— Удержанием власти.

Вес прекращает расти. Иара записывает и это.

Я хочу рассердиться просто и чисто, но злость приходит сложной. Север остановил допрос Иары. Подписал запрет на сброс. Признал Верхние Ключи. И всё же до последней минуты держал у себя дверь, к которой меня вела метка отца.

— Вы не получаете доверие за то, что точно назвали поступок, — говорю я.

— Знаю.

— И не передаёте риск вместе с ключом. Если дверь запечатана капитанской властью, её открытие ударит прежде всего по моей лицензии и имени моего отца.

— Поэтому я пойду первым.

— Нет. Тогда вы сохраните право решать, что мне показывать.

Он принимает ответ без спора.

— Какое условие?

Я снимаю со стены модель скрытой палубы и кладу её между нами.

— Ключ хранится не у капитана и не у меня. До открытия — у Таи как ответственной за корпус. Решение принимают четверо: архитектор, механик, свидетель и капитан. Мер ведёт полный протокол. Любой может остановить осмотр при угрозе людям или свидетельствам. Ливена получает копию, но не право изъятия без отдельного письменного основания.

— Вы включаете инспектора Совета после того, как она требовала сброса? — спрашивает Мер.

— Я включаю наблюдателя, который не сможет потом правдоподобно сказать, что ничего не видел.

Ливена холодно улыбается.

— Я уже отказалась участвовать.

— От расследования. Не от получения копии. Хотите отказаться и от неё?

Она смотрит на журнал, на метку отца, на Севера.

— Нет.

Палуба остаётся ровной.

Север снимает ключ с ладони и протягивает его Тае.

— Принимаете хранение на этих условиях?

Тая не торопится. Она осматривает бородку, считает насечки, заворачивает ключ в промасленную ткань и только затем кладёт в нагрудный карман.

— Принимаю до открытия Н-7 или до общего решения вернуть его. Не подчинюсь отдельному приказу ни одного из

вас.

— Согласен, — говорит Север.

Мне важнее не то, что он отдаёт ключ. Важнее, что он отдаёт возможность забрать его обратно одному.

Мы переносим модель вниз. У запечатанной двери пахнет железом и речным холодом. Латунная струна в шве натянута сильнее, чем ночью. Тая проверяет переборки, отмечает мелом безопасные места. Иара читает вслух правила осмотра. Мер заносит каждое слово в новый журнал — не тот, где можно вырвать историю вместе с листом, а в четыре отдельных тетради. Одну держит он, вторую Иара, третью Тая. Четвёртую Ливена сперва не берёт, потом всё-таки принимает.

— Остановка при двух рисках крена, — говорит Тая. — При одном треске силового шва. При любом изменении дыхания за дверью.

— Если там человек? — спрашивает Мер.

— Тогда ключ не важнее человека, — отвечаю я.

Север становится справа от двери, я — слева. Тая достаёт ключ, но не передаёт его капитану.

— Кто вставляет?

Я изучаю замочную скважину. Вокруг неё четыре узкие борозды. Капитанский ключ открывает только механическую часть. Остальные линии должны замкнуть участники решения.

— Ты, — говорю Тая. — Ты отвечаешь за корпус. Иара держит ладонь на левой пластине. Север — на правой. Я за-

мыкаю нижнюю линию камертоном.

— А Мер?

— Записывает. Свидетельство без записи опять станет чьей-то частной властью.

Мы занимаем места. Я прикладываю камертон к металлу. Он ещё не звучит, но кость большого пальца уже чувствует вибрацию.

— Готовы? — спрашивает Тая.

Каждый отвечает отдельно.

Иара: да.

Север: да.

Я: да.

Тая вставляет ключ.

Сначала ничего не происходит. Потом восемь нот звучат разом. Не мелодия — лестница, уходящая вниз. Ключ поворачивается на четверть оборота и останавливается.

На двери проступают тонкие линии. Они бегут от метки Берега Семи Колоколов к знаку моего отца, затем расходятся прямоугольниками, будто невидимая тушь возвращается в старый чертёж.

— Осадка без изменения, — говорит Тая.

— Дыхания нет, — говорит Иара.

— Продолжаем, — говорю я.

Ключ поворачивается ещё на четверть.

Замок отпускает не дверь, а узкую панель рядом с ней. Она отходит от стены на толщину пальца. Изнутри вырыва-

ется воздух, сухой и пахнувший пылью, хотя помещение лежит ниже ватерлинии.

Тая гасит ключом натяжение и вынимает его. Панель остаётся открытой.

За ней нет прохода. Только неглубокая ниша, а в ней — свёрнутый лист, перевязанный выцветшей синей нитью.

— Не касаться, — одновременно говорим мы с Мером.

Он улыбается впервые за всё утро.

Я освещаю нишу сбоку. На краю бумаги виден штамп прежней архитектурной палаты и написанное от руки имя.

Кир Рейн.

Отец.

Ниже стоит заголовок: «Аварийное разделение памяти. Отсек Н-7».

Я ждала обвинения, исповеди, хотя бы знакомого росчерка. Вместо этого получаю рабочий план. Именно так отец всегда входил в комнату: сначала раскладывал инструменты, потом спрашивал, можно ли обнять.

Рука Севера движется, будто он хочет поддержать меня, и останавливается, не коснувшись.

— Ада?

Я благодарна ему за вопрос и злуюсь, что благодарна.

— Мне нужна минута. Дверь не открываем.

— Принято.

Никто не спорит. Тая садится у противоположной переборки. Иара остаётся возле пластины, но убирает ладонь.

Мер записывает время остановки. Ливена смотрит на имя моего отца так, словно оно меняет не только моё прошлое.

Я прислоняю два пальца к краю панели. Бумага недоступна, пока мы не согласуем извлечение. Это правильно. Отцовский план не принадлежит мне только потому, что я его дочь. Но и Совет не вправе забрать его только потому, что поставил печать на архиве.

Внутри стены звучит восьмая нота.

Теперь я различаю в ней не продолжение детской песни, а предупреждение: за чертежом находится помещение, а за помещением — люди, чьи голоса превратили в нагрузку.

— В журнал, — говорю я Меру. — Обнаружен план с подписью Кира Рейна. Содержание не исследовано. Извлечение отложено до проверки согласия и безопасности.

Он записывает дословно.

— И ещё, — добавляю я. — Чёрный ключ открыл не Н-7. Он открыл доступ к решению, как Н-7 открывать.

Север смотрит на пустую ладонь.

— Разница существенная.

— Вся архитектура держится на существенных различиях.

Наверху быют склянки. До срока Совета остаётся шесть часов. Белая отмель ждёт нового груза, но не получает его.

А передо мной за тонкой панелью лежит чертёж человека, которого я пятнадцать лет училась обвинять и защищать, не зная фактов.

Я не стану делать ни того ни другого.
Сначала мы прочитаем план.

Глава 7. Чертёж утонувшего дома

План лежит за панелью, и шесть часов до срока Совета становятся пятью часами сорока тремя минутами.

Тая не разрешает нам приблизиться к нише, пока не проверит воздух. Она просовывает внутрь тонкую серебряную трубку, втягивает пробу в три стеклянных пузырька и по очереди опускает туда лакмус, стружку и каплю речной воды. Лакмус не меняет цвет. Стружка не темнеет. Вода остаётся прозрачной, но по её поверхности расходятся семь маленьких кругов.

— Память активна, — говорит Иара. — Бумага помнит, что её прятали.

— Бумага ничего не подтверждала, — отвечает Ливена.

— Я не сказала, что подтверждала. Я сказала — помнит.

Мер записывает обе фразы в четыре тетради. Он уже перестал спрашивать, нужно ли заносить возражения инспектора. Протокол, в котором остаются только удобные слова, слишком похож на журнал с вырванными страницами.

Я приседаю перед нишей. Синяя нить на свёртке выцвела до серой, но узел отцовский: двойная петля и короткий свободный конец. Так он связывал мои рулоны, когда я в детстве таскала их по мастерской и называла чертежами листы с кривыми домами.

Этого недостаточно.

Привычка не доказывает руку. Подпись не доказывает содержание. Моё узнавание не даёт мне права первой развернуть лист.

— Составим порядок извлечения, — говорю я. — Тая отвечает за корпус. Иара — за права свидетелей. Мер — за копирование. Ливена наблюдает. Я читаю конструктивную часть. Север не получает оригинал в руки.

Он стоит у переборки, достаточно близко, чтобы услышать, и не пытается оспорить последнее условие.

— Принимаю.

— Почему капитан отстранён? — спрашивает Ливена.

— Потому что ключ был у него, а сведения об Н-7 он удержал. Это не наказание. Это ограничение уже проявленного риска.

— А дочь автора плана риска не представляет?

Вопрос попадает точно. Я чувствую, как под подошвой едва заметно уходит палуба.

— Представляет, — отвечаю я. — Поэтому я не определяю происхождение документа и не решаю судьбу записей. Только читаю архитектуру вслух, чтобы остальные могли проверить мой вывод.

Крен прекращается.

— Записано, — говорит Мер.

Тая надевает тонкие перчатки, подводит под свёрток латунную лопатку и переносит его на доску. Иара не касается бумаги. Она держит ладонь над ней, прислушиваясь не к но-

там, а к паузам между ними.

— Свидетельства внутри? — спрашивает Север.

— Следы свидетельств, — поправляет Иара. — Людей внутри я пока не слышу.

Она развязывает нить после того, как мы по очереди подтверждаем согласие. Лист разворачивается сам, медленно, будто долго удерживал дыхание.

На внешней стороне действительно план отсека. На внутренней — дом.

Я узнаю его раньше, чем вижу подпись улицы. Три этажа, узкий двор, галерея над пекарней и лестница, которую отец упрямо рисовал шире строительной нормы. Наш дом на Береге Семи Колоколов. Окна моей комнаты обозначены двумя короткими штрихами. В стене между кухней и мастерской проведён аварийный канал, которого в действительности не было.

— Это не план судна, — говорит Тая.

— Основа — дом, — отвечаю я. — Поверх него рассчитан отсек.

Линии Н-7 повторяют стены квартала. Продольная переборка идёт по нашей улице. Камеры хранения стоят на местах жилых комнат. Центральный распределитель занимает площадь с колодцем. Даже семь опорных струн совпадают с колокольнями, по которым Берег получил имя.

Мне становится холодно, хотя воздух сухой и тёплый.

Отец не просто знал о будущем затоплении. Он взял схему

обречённого дома и превратил её в хранилище.

— Он построил Н-7 заранее, — говорю я.

Бумага тяжелеет. Доска прогибается между козлами.

— Это вывод, — напоминает Иара.

— На плане его подпись. Дата — за одиннадцать дней до затопления.

— Это наблюдения. Вывод — что он построил.

Я хочу сказать, что различие трусливое. Хочу ткнуть пальцем в две даты и заставить их стать обвинением. Вместо этого вспоминаю собственные правила на стене наверху.

— На документе стоит подпись Кира Рейна и дата за одиннадцать дней до затопления, — произношу я. — План Н-7 построен на геометрии нашего дома. Я предполагаю, что отец участвовал в подготовке отсека до катастрофы. Степень участия не установлена.

Доска выпрямляется не полностью, но выдерживает.

Мер повторяет формулировку и записывает. Ливена следит за его пером.

— Вы защищаете отца точностью слов? — спрашивает она.

— Нет. Защищаю расследование от моей злости.

Север делает полшага ко мне и останавливается.

— Вам нужна пауза?

— Мне нужны размеры.

Он принимает и это.

Я разворачиваю рядом свою модель скрытой палубы. Мас-

штабы разные, поэтому Тая приносит циркуль и мерную струну. Мы не накладываем оригинал на кальку: Мер снимает размеры вслух, я переношу их на чистый лист, Ливена сверяет цифры, Иара отмечает участки, где бумага отзывается голосом.

Первое несовпадение находится у пекарни. В доме там была печь, в Н-7 — широкий пустой карман между камерами.

— Резерв под новый груз, — говорит Ливена.

— Возможно, — отвечаю я.

Тая стучит ногтем по доске.

— Нет креплений для капсул. Зато есть водяные задвижки.

Я приближаю лампу. Тонкие стрелки направлены из камер в пустой карман, затем наружу, через двойной контур корпуса. Это не укладка. Это путь разгрузки.

— Аварийный шлюз, — говорю я. — Если отсек перегружен, память должна уходить не в реку, а сюда.

— Чем карман отличается от реки? — спрашивает Мер.

— Он повторяет печь. Печь превращает разрозненное топливо в общее тепло, но не обязана уничтожать его след. Здесь должен был возникать резонанс между камерами. Вес распределялся бы по семи струнам и возвращался владельцам в переносимой форме.

Я слышу, как красиво звучит мой вывод, и потому не доверяю ему.

— Должен был, — подчёркиваю я. — Это назначение по

схеме. Работал ли шлюз, неизвестно.

На полях есть расчёты. Отец перечёркивал их несколько раз. В последней строке не хватает величины сопротивления: вместо числа стоит слово «согласие».

Ливена тихо смеётся.

— Инженер вписал нравственное пожелание вместо коэффициента.

— Нет, — говорит Иара. — Он указал условие открытия.

Она кладёт два пальца рядом со словом, не касаясь бумаги. Семь кругов в пробном пузырьке сходятся в один.

— Голос нельзя распределить, если человек не согласился стать частью хора, — продолжает она. — Иначе хор — просто другое название крика.

— Вы читаете метафору как инструкцию.

— А вы читаете инструкцию так, будто люди в ней — материал.

Комната отзывается резким креном. Не на ложь — на уклонение, встроенное в сам разговор. Ливена спрашивает о механике, чтобы не назвать владельцев памяти. Я отвечаю ей схемой и почти делаю то же самое.

На плане семь камер. В каждой стоит не номер, а знак дома: окно, дверь, кровать, чашка, колыбель, мастерская, колокол. Я уже мысленно назвала их каналами нагрузки. Уже превратила чью-то жизнь в удобные узлы.

Иара сворачивает край кальки, закрывая от меня размеры.

— Хватит.

— Мы ещё не закончили конструктивный разбор.

— Поэтому и хватит. Вы начали читать людей как балки.

Стыд вспыхивает быстро и горячо.

— Мне нужно понять, почему судно тонет.

— А им нужно не стать причиной, которую вы исправляете без них.

— Если я не рассчитаю нагрузку, погибнут все на борту.

— Если вы рассчитаете её как бесхозяйную, вы спасёте судно способом Совета.

Я отвожу руки от стола. Палуба медленно возвращается.

Иара не смягчает слова, и за это я ей благодарна позже, не сейчас.

— Что вы предлагаете? — спрашиваю я.

— Назвать предел. Мы можем узнать, как устроена дверь, не входя в чужую комнату. Можем проверить, безопасен ли шлюз, не извлекая ни одного свидетельства. А потом должны найти владельцев или тех, кому они передали право решения.

— Берег затоплен пятнадцать лет назад.

— Люди не исчезли только потому, что их дома под водой.

Она смотрит прямо на меня. Я одна из этих людей. И всё же ни моё выживание, ни родство с автором плана не делают меня представительницей остальных.

— Вы знаете, где их искать, — говорю я.

— Некоторых.

— Почему не сказали раньше?

Вопрос выходит острее, чем должен. Иара не обязана была отдавать мне список выживших при первом знакомстве. Но под ним прячется другое: почему она не сказала, что я не одна.

Иара отвечает не сразу.

— Потому что вы строили зал для Совета. Потому что капитан носил ключ. Потому что я не знала, станете ли вы дверью или ещё одним замком.

Никакого веса. Никакого крена.

— А теперь знаете?

— Теперь знаю, что вы способны остановиться. Этого достаточно для следующего шага, не для полного доверия.

Север опускает взгляд. Наверное, узнаёт формулу, которую уже слышал от меня.

Мы фиксируем новый предел. До получения добровольного решения владельцев разрешено исследовать только корпус, пустой распределительный карман и механизмы аварийной разгрузки. Камеры со знаками домов не открывать. Голоса не воспроизводить. Имена не копировать. Любой человек, узнавший знак своей семьи, получает право остановить работу, но не право распорядиться чужими записями.

Ливена отказывается подписывать последний пункт.

— Совет считает архивные записи собственностью учреждения.

— Тогда запишите отказ, — говорит Мер.

Он больше не ждёт её разрешения.

Север подписывает первым, но не ставит капитанскую печать поверх остальных имён. Его подпись занимает одну строку. Моя — следующую. Тая и Иара добавляют свои. Мер прикладывает копию к оригиналу так, чтобы ни один лист нельзя было заменить незаметно.

После этого я возвращаюсь к схеме шлюза.

Теперь вижу второе несовпадение. В плане отца семь струн соединяются не с центральной балкой «Палимпсеста», а с кольцом независимых опор. Каждая камера могла отделиться, сохранить собственный контур и выйти из судна через водяной шлюз. Не сбросом. Переносом.

— Н-7 проектировали не как тайник, — говорю я. — Как спасательную палубу.

Тая проверяет соединения на моём плане нынешнего корпуса.

— Но кольцо срезано. Камеры пришиты к силовому набору. Кто-то сделал их постоянным балластом.

На обороте листа, под схемой дома, проступает ещё одна надпись. Чернила появляются только после того, как четыре подписи согревают бумагу рядом. Почерк отца рваный, непривычно крупный:

«Если кольцо заменят хребтом, не открывать без голосов Берега. Корабль назовёт грузом то, что обязан вернуть».

Ниже — перечень деталей аварийных шлюзов. Не признание. Не оправдание. Предупреждение, оставленное человеком, который ожидал подмены.

Я читаю его дважды и всё равно не чувствую облегчения.

— Он знал, — говорю я.

— О подмене проекта? — уточняет Иара.

— О том, что она возможна. О затоплении — тоже, иначе не было бы схемы нашего дома.

Тяжесть остаётся, но не растёт. На этот раз я не пытаюсь втиснуть неизвестное в обвинение или защиту.

Снаружи ударяет корабельный колокол. Пять часов до срока.

Мер переворачивает последнюю складку. Внутри обнаруживается список обозначений, а под ним — короткая строка маршрута: «Выжившие принимаются на борт только по личному согласию. Сбор — Нижняя заводь, третий причал».

Дата стоит сегодняшняя.

— Это невозможно, — говорит Ливена.

План прибавляет доске одну меру.

— Неизвестно, как появилась дата, — поправляю я. — Но её можно проверить.

Тая уже разворачивает речную карту.

— До Нижней заводи два часа против течения. Если Совет не перекроет фарватер.

— Перекроет, — говорит Север. — Приказ о сбросе истекает раньше, чем мы вернёмся.

— Тогда не возвращайтесь, — отвечает Ливена. — Я зафиксирую уход от исполнения.

— Зафиксируйте также причину: мы ищем владельцев за-

писей, прежде чем распоряжаться ими.

— Вы ставите слово на старой бумаге выше приказа Совета.

— Нет. Проверяемое указание — выше удобного предположения, что владельцев нет.

Север смотрит не на меня, а на всех по очереди.

— Решение о курсе не должно быть продолжением моего прежнего удержания ключа. Кто возражает против Нижней заводи?

Тая предупреждает о запасе топлива и двух мелях. Мер — о времени на копирование журнала. Иара требует, чтобы выживших не поднимали на борт до оглашения правил Н-7. Я называю предел крена, при котором осмотр придётся прекратить. Ливена возражает полностью и требует отдельной шлюпки для возвращения к Совету.

Север предоставляет ей шлюпку.

Она не уходит.

— Наблюдатель должен видеть последствия нарушения, — объясняет она.

— Записано, — говорит Мер.

Мы складываем план по старым линиям, но не возвращаем в нишу. Иара помещает его в прозрачный футляр с четырьмя замками. Ключи получают она, Тая, Мер и Ливена. Я остаюсь без ключа. Север тоже.

Так безопаснее.

На мостике я прокладываю новый курс. «Палимпсест» тя-

жело отворачивает от белой отмели. Западный борт проседает, скрытая палуба отвечает семью нотами, и впервые восьмая не требует открыть дверь. Она тянется вперёд, к Нижней заводи.

Там, за поворотом реки, нас ждут люди, которых архив уже назвал грузом.

И, возможно, человек, способный сказать, для чего мой отец построил из нашего утонувшего дома спасательную палубу.

Глава 8. Три добровольных голоса

Нижняя заводь встречает нас тремя пустыми причалами и колоколом без языка.

Он висит на перекладине у самой воды — зелёный от времени, перевязанный белой верёвкой. Ветер раскачивает его, но звука нет. Вместо звона по настилу проходит слабая дрожь. Я ощущаю её подошвами и узнаю первую ноту Берега Семи Колоколов.

— Они здесь, — говорю я.

Север не спрашивает, кого именно я имею в виду. Он приказывает заглушить кормовую машину и оставляет «Паллипсест» в двадцати шагах от третьего причала. Между бортом и заводью лежит полоса воды, достаточная, чтобы никто не оказался на судне случайно.

На берег выходят шестеро. Впереди — худой мужчина с серебряной прядью над лбом, женщина в красном рабочем переднике и старуха, опирающаяся не на трость, а на складной багор. За ними остаются трое молодых, готовых отвязать лодки.

Иара поднимает ладонь.

— Сначала правила, — кричит она через воду. — Потом имена. Потом решение каждого отдельно.

Женщина в переднике кивает.

Мы не перебрасываем сходни. Мер читает с мостика про-

токол Н-7: на палубе есть семь камер, предположительно содержащих свидетельства жителей Берега; владельцы сохраняют право отказа; подъём на борт не означает согласия открыть, слушать, копировать или распределять запись; покинуть судно можно в любой момент. После каждого пункта он делает паузу.

Ливена стоит рядом и записывает всё своим острым советским почерком.

— Вы обязаны добавить, что Совет считает записи собственностью архива, — говорит она.

— Добавлю как позицию Совета, — отвечает Мер. — Не как установленное право.

Палуба остаётся ровной.

Только после этого к причалу отправляется шлюпка. Иара садится в неё одна из тех, кто знает людей Берега. Тая — одна из тех, кто отвечает за безопасность корпуса. Я остаюсь на судне, хотя всё во мне тянется на берег.

Я помню эту заводь другой. Здесь продавали мокрые яблоки, смолу и нитки для колокольных шнуров. Отец позволял мне считать лодки, пока сам спорил с мастерами. Теперь на месте лавок стоят дома на высоких сваях, а под настилом белеет песок отмели.

Север останавливается в двух шагах от меня.

— Вы знали этих людей?

— Пока не знаю.

— Это не ответ на вопрос.

— Именно ответ. Я могла знать их пятнадцать лет назад. Сегодня они вправе представиться заново.

Он принимает поправку коротким кивком.

Первым поднимается худой мужчина. На борту он называет себя Рамом Тельном, сорока девяти лет, бывшим на-стройщиком колоколов. Серебряная прядь оказывается шрамом: волосы там просто не растут. Второй входит женщина — Нела Вей, тридцати восьми лет, пекарь и хозяйка столовой при заводи. Старуха поднимается без помощи, сердито отстранив руку матроса. Сава Рун, семьдесят два года, в прошлом смотрительница ночной переправы.

Остальные трое остаются на берегу.

— Они не отказались, — предупреждает Иара. — Они ещё не решили.

Мер записывает именно это.

Я веду добровольцев не в зал дознаний. За два часа пути мы с Таей успели переделать грузовую галерею перед пустым распределительным карманом Н-7. Здесь нет запирающейся двери. Три кресла стоят у трёх выходов, и от каждого можно дотянуться до своего стоп-шнура. Если человек тянет его, его часть контура размыкается независимо от остальных.

— Что случится с записью, если я остановлю опыт посередине? — спрашивает Нела.

— Она останется в своей камере, — отвечаю я. — Произнесённое вами сегодня не будет сохранено, если вы отдельно не разрешите сохранение.

— А то, что уже украли?

Я заставляю себя не смягчать слово.

— Мы пока не знаем, можно ли вернуть это без копирования и вреда. Сегодня проверяем только несущую схему аварийного шлюза.

— Значит, вы хотите поставить наши голоса вместо балок.

Иара поворачивается ко мне. Это её предупреждение, но я и сама слышу опасную формулу.

— Нет, — говорю я. — Я хочу проверить, может ли судно перестать удерживать ваши записи собственным хребтом. Если метод сработает, опорой станет не содержание воспоминаний, а совпадение трёх условий: кто говорит, для какой цели и на какой срок. Ваш голос не балка. Балкой может стать только выполненное соглашение.

Нела смотрит на открытый выход за своей спиной.

— А если соглашение нарушат?

— Арка должна распасться.

— И корабль снова накренится?

— Да.

— Хорошая архитектура, — говорит Сава. — Не позволяет начальству нарушать обещания бесплатно.

Тая кашляет, пряча улыбку.

Каждому нужен отдельный договор. Рам разрешает использовать только воспоминание о последнем испытании колоколов и только для определения, действительно ли семь камер соответствуют семи районам Берега. Нела выбирает

утро эвакуации, но запрещает воспроизводить лица детей и любые слова своей сестры. Сава соглашается назвать маршрут ночной переправы; её условие — при первом упоминании приказа Совета опыт прекращается. Она не хочет, чтобы её свидетельство снова служило доказательством чужой власти.

— Эти условия несовместимы, — говорит Ливена. — Нельзя построить общий протокол из трёх разных разрешений.

— Общий — нельзя, — отвечаю я. — Поэтому будет три контура.

На полу лежат медные ленты. Каждая идёт от кресла к собственному малому камертону, затем к пустому кольцу шлюза. Ленты не соприкасаются. Над ними я закрепила лёгкие деревянные рёбра — пока они висят отдельно и не держат даже собственного веса.

Я объясняю каждое соединение. Потом Тая объясняет ещё раз без архитектурных слов. Иара спрашивает добровольцев по одному, поняли ли они устройство и могут ли пересказать последствия остановки. Лишь после этого мы закрываем внешний контур.

Север остаётся за чертой.

— Капитан не участвует? — спрашивает Рам.

— Капитан обеспечивает возможность прервать испытание, — отвечает Север. — Если войду внутрь, моё присутствие может быть принято за приказ.

Он не смотрит на меня, произнося это. Но между нами меняется расстояние — не физическое, другое, которое я всё ещё не умею измерять.

Я занимаю место у расчётной доски.

— Никому не нужно говорить больше выбранного. Начинаем с формулы цели.

Рам касается своего камертона.

— Я говорю, чтобы установить устройство семи камер. Не для суда. Не для права собственности. До захода солнца.

Его лента нагревается и становится золотистой. Первое деревянное ребро поднимается на толщину пальца.

Нела говорит медленнее:

— Я говорю, чтобы украденное у нас перестало топить живых. Лица детей закрыты. Голос сестры закрыт. Моё разрешение действует только в этой галерее и только сегодня.

Второе ребро поднимается. Между ним и первым остаётся ладонь пустоты.

Сава не касается камертона.

— Я говорю, чтобы проверить дорогу возврата. Приказ Совета прекращает моё участие. Моё молчание нельзя толковать как согласие.

Третья лента остаётся холодной.

— Не сработало, — говорит Ливена.

Сава поворачивает к ней голову.

— Я ещё не сказала, что начинаю.

— Формула произнесена.

— Условие произнесено. Решение — нет.

Крен приходит мгновенно, но малый: чернильница Ливены скользит к краю стола. Она ловит её обеими руками. Уклонение принадлежит не Саве. Это Ливена попыталась заменить добровольное действие удобным толкованием.

— Вы правы, — говорит инспектор после паузы. — Я объявила согласие наступившим без вашего подтверждения.

Палуба выравнивается.

Сава улыбается без доброты, но и без злорадства.

— Теперь начинаю.

Третье ребро поднимается.

Я беру молоточек и ударяю по первому камертону. Рам закрывает глаза.

— Семь колоколов настраивали не в один звук, — говорит он. — Первый предупреждал о воде. Второй собирал детей. Третий звал лодки. Остальные отвечали по улицам. В последний вечер все семь били сигнал лодок, хотя вода ещё не пришла.

Из-под палубы откликается первая камера. Не голосом — плотным, низким гулом. Ребро Рама выгибается дугой.

Нела кладёт ладони на колени.

— В то утро печи уже погасили. Нам сказали, что будет учебная тревога. Я вывела детей через задний двор, потому что перед пекарней стояли люди в серых плащах. Лица детей закрыты.

На этих словах воздух перед ней мутнеет, будто комната

сама занавешивает запрещённое. Я не вижу ни одного лица. Слышу шаги, звон противней и дыхание Нелы — только то, что принадлежит ей.

Вторая камера отвечает. Её ребро изгибается навстречу первому.

Сава ждёт, пока оба гула станут устойчивыми.

— Ночная переправа шла не к верхнему тракту, как записали после. Мы вели лодки в Нижнюю заводь по старому рукаву. Семь рейсов. На восьмом русло перекрыли архивным судном без огней. Название судна я не видела. Приказа не называю.

Третий звук тоньше других. Он проходит не через уши, а через зубы. Деревянное ребро Савы поднимается, но не тянется к двум остальным.

Три правды стоят рядом и не складываются.

Я смотрю на расчётную доску. Масса каждой ленты почти равна нулю. Согласие есть. Цели названы. Сроки определены. Но арка не замыкается.

— Им не хватает общего содержания? — шепчет Мер.

— Содержание не должно быть общим.

Я вспоминаю план отца. Семь камер соединялись кольцом независимых опор. Я всё время представляла кольцо как деталь, которая собирает нагрузку к центру. Но у него не было центра.

— Я ошиблась направлением, — говорю я. — Рёбра не должны опираться друг на друга.

— Тогда это не арка, — замечает Тая.

— Арка. Только пустота в ней несущая.

Я прошу разрешения подойти к каждому контуру. Получаю три отдельных «да». Затем переставляю нижние шарниры: разворачиваю рёбра наружу, от общего кольца к трём независимым точкам корпуса. Теперь они не смешивают голоса. Каждый удерживает свой участок, а промежуток между ними сохраняет границу.

— Повторять ничего не нужно, — говорю я. — Ваши условия ещё действуют. Я проверю только, сохраняется ли связь.

Тая освобождает стопор пустого шлюза.

Рёбра поднимаются одновременно. Они не соприкасаются вершинами — между ними остаются три узких просвета. И всё же деревянная решётка принимает вес контрольной плиты. Стрелка динамометра падает с тридцати мер до четырёх.

Под нами по Н-7 проходит волна. Западный борт поднимается.

На мостике бьют в судовой колокол. В ответ безъязыкий колокол заводи вздрагивает на берегу, и я слышу не звук, а семь чистых нот сразу.

Рам открывает глаза.

— Вы вернули их?

— Нет, — отвечаю я, хотя хочется подарить ему более красивую фразу. — Мы доказали, что записи можно удерживать без общего хребта. До возврата далеко.

Нела тянет стоп-шнур.

Её ребро мягко опускается. Два других не рушатся; контрольная плита поворачивается и ложится на оставшиеся опоры. Тая громко выдыхает.

— Я закончила участие, — говорит Нела. — Сохранение сегодняшних слов запрещаю.

Мер перечёркивает страницу протокола с её речью, оставляя только технический результат и условия. Иара вынимает восковую пластину из прибора и на глазах у Нелы разминает её в бесформенный комок. Память под палубой остаётся закрытой.

Рам и Сава завершают участие следом. Когда опускается последнее ребро, контрольная плита возвращается на весы. Никакого нового груза в корпусе нет.

Я впервые за много лет позволяю себе представить, что отец вписал слово «согласие» не вместо числа. Оно и было величиной — меняющей всю схему в зависимости от того, кому принадлежит решение.

Север переступает черту только после того, как все три контура разомкнуты.

— Испытание завершено, — говорит он. — Свободный сход на берег открыт. Желающим остаться предложат отдельные каюты без доступа Совета.

Рам просит копию технической схемы. Нела — письменное подтверждение уничтожения сегодняшней записи. Сава требует еду и сухие носки, потому что «революции на мок-

рых ногах долго не живут». Тая уводит её в машинную столовую.

Ливена подходит ко мне последней.

— Вы понимаете, что построили?

— Испытательный фрагмент разгрузочного контура.

— Способ вывести архивные записи из-под единого управления.

— Если владельцы согласятся.

— Именно поэтому Совет запретит его.

Будто отвечая ей, в переговорной трубе щёлкает приёмная мембрана. Мер снимает ленту сообщения. На ней всего пять строк, но печать Орса Веля занимает половину листа.

Ливена читает вслух:

— «Испытания неутверждённых способов распределения архивной нагрузки прекратить. Любые конструкции, связывающие свидетельство с волей заявленного владельца, признать угрозой целостности государственного хранения. Результаты опечатать. Архитектора Рейн отстранить от Н-7 до прибытия комиссии».

Сава замирает в дверях.

Третье ребро падает с креплений, хотя её контур уже разомкнул.

— В условии было: при упоминании приказа Совета моё участие прекращается, — говорит она.

— Оно уже было прекращено, — отвечает Мер.

— Для меня — да. Для вашей машины, похоже, нет.

Я опускаюсь рядом с сорванным шарниром. Медная лента холодна. На ней нет остатка Савиного голоса. Значит, упал не контур согласия.

Перерезан крепёж.

Срез свежий, косой и слишком гладкий для излома. Кто-то подпилит штифт заранее, оставив тонкую перемычку. Арка выдержала испытание и остановку. Её сломали после — изнутри галереи, где всё время находились только мы.

Север видит срез одновременно со мной. Его рука движется к сигнальному шнуру, но он не дёргает его без вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.